

АНАТОЛИЙ НАУМОВ

ПРЕСТУПНЫЙ
СЮЖЕТ
В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Анатолий Наумов

**Преступный сюжет в
русской литературе**

«Издательство Проспект»

2021

УДК 82.09:343
ББК 83:67.408

Наумов А. В.

Преступный сюжет в русской литературе / А. В. Наумов —
«Издательство Проспект», 2021

ISBN 978-5-39-236901-0

Обращение к проблеме преступления для литературы всех времен и народов является не просто обычным, а вполне закономерным. Однако художественная литература вовсе не служит лишь иллюстрацией к научному (уголовно-правовому) ее пониманию. Более того, она может даже обогнать определенные доктринальные на этот счет представления, в особенности в глубине подходов к социологии преступности и психологии преступника. При этом очевидно, что для одних писателей преступный сюжет является значительным для их творчества, а для других он может и не представлять какого-либо интереса. В книге автор предпринял попытку объяснить данный феномен. Книга представляет интерес как для юристов, так и читателей, любящих художественную литературу и интересующихся проблемой отражения в ней вопросов, связанных с понятиями преступления, наказания, уголовной и моральной ответственности за преступное поведение.

УДК 82.09:343

ББК 83:67.408

ISBN 978-5-39-236901-0

© Наумов А. В., 2021

© Издательство Проспект, 2021

Содержание

Введение	6
Часть I. Преступный сюжет в русской классической литературе	15
Глава 1. Вторая половина XVIII в.: Радищев, Новиков. Литературный и исторический фон эпохи. Предшественники «классики» (литература Древней Руси; Ломоносов, Державин, Фонвизин)	15
Проблемы преступления и наказания в творчестве А. Н. Радищева	18
Н. И. Новиков и его общественно-политические взгляды (в том числе на правосудие)	23
Глава 2. Первая половина XIX в.: Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь	27
Историческая характеристика эпохи (правление Александра I и Николая I)	27
Н. М. Карамзин (1766–1826) – как писатель и историк	28
А. С. Пушкин[38]	31
Вольнолюбивая послелицейская лирика поэта, воспринятая властями как революционная	31
Интерес Пушкина к психологическому содержанию преступления	38
«Пиковая дама» – триллер или не триллер?	40
«Евгений Онегин» глазами криминалиста	42
Отход поэта от радикальных революционных настроений (стихотворения 1821–1823 гг., «Борис Годунов», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «История Пугачева»)	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анатолий Валентинович Наумов

Преступный сюжет в русской литературе

© Наумов А. В., 2021

© ООО «Перспектив», 2021

* * *

Юлии Николаевне Наумовой посвящаю

Введение

Чем объяснить авторское желание написать книгу «Преступный сюжет¹ в русской литературе»? Если предельно упростить его замысел, то речь идет об отражении такого социального феномена, как преступление (преступность), и неразрывно связанного с ним наказания в отечественной художественной литературе. Оба понятия основаны на их определениях и расшифровке в законе (обычно в уголовных кодексах), уголовно-правовой (науке о преступлениях и наказаниях), кри минологической науке (о преступности, личности преступника, причинах, мерах предупреждения). Но дело в том, что эти проблемы интересуют не только юристов. Преступление (эта центральная категория уголовного права) нередко обнажает тайники души, делает видимой психологию поведения человека. Поэтому обращение к материалам о совершаемых преступлениях для классической литературы всех времен и народов является не просто обычным, а вполне закономерным. Достаточно вспомнить бессмертные творения А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и В. Шекспира, Ф. М. Достоевского и Ч. Диккенса, Ф. Стендаля и Э. Золя, многих других выдающихся писателей. И в этом смысле, например, для проникновения в проблему мотива преступления (в том числе и для правоприменителя – судьи, прокурора, адвоката) прочтение «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» Достоевского не менее важно, чем изучение учебников уголовного права и специальной монографической и учебной литературы.

Художественная литература (настоящая, большая) вовсе не служит лишь иллюстрацией к научному пониманию проблемы преступления и наказания. Более того, она может даже обогнать определенные доктринальные представления, в особенности в глубине подходов к социологии преступности, психологии преступления и преступника. Так, со страниц учебников криминологии 80-х гг. XX в. преступник предстает перед нами в таком социологическом «обличии»: занимающийся неквалифицированным трудом, скорее холостой, чем женатый, от силы закончивший 7–8 классов, распивающий в подъездах на троих, по своей «уголовно-правовой» квалификации чаще всего хулиган, вор или расхититель социалистического имущества. В это же самое время детективная литература (а также ее интерпретация в кино и на телевидении) даже не очень высокого в художественном отношении уровня рисовала совсем иной портрет преступника: внешне нередко обаятельного, элегантного в одежде, приятного в манерах, имеющего высшее образование, и принципиально употребляющего недоступные для советского человека французские коньяки или иное заморское зелье. Вскоре наше общество на своем опыте почувствовало правоту писателя или кинорежиссера, а не ученого-криминолога.

Но как же это могло случиться? Ведь авторы не очень серьезных в художественном плане детективов не были вооружены социологическим методом, не изучали уголовную статистику, материалы следственной и судебной практики, не опрашивали находящихся в местах лишения свободы. Все так. Но вовсе не значит, что они не использовали социологические методы. Они в известном смысле, опередили наших криминологов, потому что, в отличие от них, не абсолютизировали строгие требования социологической науки к репрезентативности изучаемых ими фактов, как не абсолютизировали и источники получения своей информации. Для них было неважно, есть ли необходимые им сведения в официальных данных о преступности, которыми располагали наши правоохранительные органы. Наблюдение жизни как таковой, а не через призму признаваемых криминологической наукой материалов и делало их социологический подход более широким и осмысленным. Так, например, нигилистов в созданном им образе

¹ В «Словаре литературоведческих терминов» *сюжет* – система событий в художественном произведении, представленная в определенной связи, раскрывающая характеры действующих лиц и отношения писателя к изображаемому жизненным явлениям. URL: <https://slovar.cc/lit/term/2145401.html>.

Базарова в романе «Отцы и дети» открыл И. С. Тургенев. Уголовно-правовая доктрина же этого не увидела. Литература и искусство, не ограничиваемые жесткими требованиями социологического научного метода, оказались более результативными именно в социологическом плане. Это, кстати, подтверждает и классическая (без кавычек) литература, всегда являющаяся подлинно социологической.

Если иметь в виду «встроенность» проблемы преступления и наказания в отечественную художественную литературу, то следует исключить из этого явления советскую литературу в промежутках примерно с середины 30-х гг. и до известной горбачевской перестройки 80-х гг. прошлого века. Почему именно с этого времени? Как было до того (т. е. во времена Гражданской войны, в 20-е гг.)? Творчество Варлама Шаламова (1907–1982 гг.), занимает по известным причинам (отбывал наказание в ГУЛАГе с 1929 г. вплоть до 1953 г.) особое место в художественном изображении лагерной (преступной) тематики и характеризуется предельной *деромантизацией* уголовного мира, увы, присущей (отмечено самим Шаламовым) даже многим великим писателям (у него есть специальный очерк «Об одной ошибке художественной литературы»). Писатель отмечает, что «художественная литература всегда изображала мир преступников сочувственно, подчас с подобострастием. Художественная литература окружила мир воров романтическим ореолом, соблазнившись дешевой мишурой. Художники не сумели разглядеть подлинного отвратительного лица этого мира»². Истоки такого подхода к отражению проблемы Шаламов относит к произведениям В. Гюго (например, «Отверженные») и ранним рассказам М. Горького (например, «Челкаш»). При этом писатель фиксирует: «В двадцатые годы литературу нашу охватила мода на налетчиков. “Беня Крик” Бабеля, леоновский “Вор”, “Мотыкэ Малхамовес” Сельвинского, “Вовка Свист в переплете” В. Инбер, каверинский “Конец хазы”, наконец, фармазон Остап Бендер Ильфа и Петрова – кажется, все писатели отдали легкомысленную дань внезапному спросу на уголовную романтику. Безудержная поэтизация уголовщины выдавала себя за “свежую струю” в литературе и соблазнила многих опытных литературных авторов. Несмотря на чрезвычайно слабое понимание существа дела, обнаруженное всеми упомянутыми, а также и всеми не упомянутыми авторами произведений на подобную тему, они имели успех у читателя, а следовательно, приносили значительный вред»³.

А дальше? Продолжения темы не последовало. С 30-х гг. феномен преступления и наказания перестал интересовать советских писателей как объект их художественного творчества. Произошло это не случайно, а было связано с навязанным партийными идеологами понятием *социалистического реализма* как специфического художественного метода литературы и искусства эпохи социализма. Этот термин в советской печати возник в 1932 г. и означал «эстетическое выражение социалистической осознанной концепции мира и человека, обусловленной эпохой борьбы за установление и создание социалистического общества. Изображение жизни в свете идеалов социализма обуславливает и содержание, и основные художественно-структурные принципы искусства социалистического реализма. Его возникновение и развитие связаны с распространением социалистических идей в разных странах, с развитием революционного рабочего движения...

Решающим при этом являлось признание роли классических традиций и понимание новых качеств реализма (социалистического), обусловленных как новизной жизненного процесса, так и социалистическим миропониманием советских писателей...»⁴. Понятие социалистического реализма сразу же получило широкое распространение и было закреплено Первым Всесоюзным съездом советских писателей (1934 г.), где Горький говорил о новом методе как о творческой программе, направленной на реализацию революционных гуманистических идей.

² См: Шаламов В. Левый берег. Рассказы. М., 1989. С. 555–556.

³ См.: Шаламов В. Указ. соч.

⁴ См.: Литературная газета. 1932. 23 мая.

«Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле...»⁵

«Литература и искусство социалистического реализма создали новый образ положительного героя – борца, строителя, вожака. Через него полнее раскрывается исторический оптимизм социалистического реализма: герой утверждает веру в победу коммунистических идей, несмотря на отдельные поражения и потери»⁶. Понятно, что преступник никак не вписывался в эти представления. Он должен был исчезнуть из художественной литературы о строительстве социализма и фактически исчез до наступления хрущевской оттепели (публикация в «Новом мире» рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича») и, в особенности, известной горбачевской перестройки 1980-х гг.

Такова на этот счет литературная действительность. В советскую художественную литературу проблема преступления и наказания во времена перестройки вернулась вначале как отражение трагических страниц отечественной истории, связанной с особенностями событий революции и Гражданской войны, коллективизации и индустриализации страны, известного террора 30-х и последующих годов. Чего нельзя исключить из «заслуг» перестроечного времени, так это объявленной М. С. Горбачевым и руководством КПСС гласности. В ракурсе обсуждаемой проблемы преступления и наказания это в первую очередь проявилось в опубликовании на страницах популярных «толстых» журналов произведений русских, советских (в том числе репрессированных) и зарубежных писателей, ранее напечатанных либо за рубежом, либо в самиздате. Наиболее популярные журналы: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Москва» и другие – буквально соревновались. Много в этом отношении было сделано и появившимися в стране негосударственными (частными) издательствами. Так, для советских людей стали доступны «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, «Чевенгур» и «Котлован» А. Платонова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, произведения незаконно репрессированных в годы Большого террора советских писателей (И. Бабеля, Б. Пильняка и др.), многое из литературного наследия русских писателей-эмигрантов, покинувших Родину в 20-е гг. (И. А. Бунина, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, З. Н. Гиппиус, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, М. А. Алданова и др.), книги русских религиозных философов первой трети XX в. (Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, П. А. Флоренского и др.).

Вместе с тем период горбачевской перестройки для советской литературы означал если не отказ (пусть и неофициальный), то хотя бы какое-то отступление от принципа социалистического реализма, в соответствии с которым в литературе нет места для отражения такого пережитка капитализма, как преступление. Другое дело (святое!) – великие стройки коммунизма, трудовые подвиги и героизм их участников. Перестройка же, по крайней мере в тех параметрах, которые были провозглашены партийным руководством, волей-неволей предполагала воздействие и на преступность в стране, и на ее причины. Разумеется, что далеко не каждому литератору удалось отразить данное социальное явление в своем творчестве, однако, к чести и совести советской литературы, возвращение этой столь естественной для русской классической литературы традиции связано с именами выдающихся писателей, например В. П. Астафьева и В. Г. Распутина. В последнее время едва ли не модой стала постановка вопроса о нужности или ненужности затеянной Горбачевым перестройки. Но стоит только прочитать произведения названных писателей, опубликованных в тот период, – «Печальный детектив» В. П. Астафьева и «Пожар» В. Г. Распутина, то получим безальтернативный ответ: проблемы и политические, и экономические и в особенности нравственные были таковы, что перестройка была крайне необходима. Другое дело – причины ее поражения (но это уже иной вопрос). И,

⁵ Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. 1934. С. 17.

⁶ БСЭ. 3-е изд. Т. 24, кн. I. М., 1976. С. 693–694.

как бы то ни было, с этого времени проблема преступления и наказания действительно вернулась в отечественную художественную литературу.

Каждый из великих (и менее великих) писателей вносит свое понимание проблемы преступления и наказания, распространенное в науке уголовного права. Сошлемся лишь на специфическую трактовку Ф. М. Достоевским таких аспектов названной проблемы:

– мотив преступления и его возможное раздвоение. В «Преступлении и наказании» автор романа не дает однозначного ответа на вопрос, каким мотивом руководствовался при убийстве Раскольников: с одной стороны, «наполеоновский» мотив («тварь дрожащая или право имею»), а с другой – благотворительный (помочь нуждающимся близким). Решение писателя не вписывается в доктринальное (уголовно-правовое) решение этого вопроса, но является более точным с психологической точки зрения;

- соучастие в преступлении («Братья Карамазовы»);
- проблема смертной казни («Идиот»);
- лишение свободы и его исполнение («Записки из Мертвого дома»);
- проблема терроризма («Бесы»).

При этом возникает следующий вопрос: почему для одних писателей (примерно равных по масштабу своего художественного таланта) преступный сюжет являлся очень значительным для творчества, а для других он не представлял какого-либо интереса? Сопоставим, например, творчество Тургенева и Гончарова. Для первого преступление как таковое, как источник страстей и низменных побуждений, само по себе не представляло особенного интереса (в отличие, например, от Достоевского, Льва Толстого, Лескова, Бунина). Он был и остается лириком, непревзойденным мастером пейзажа, удивительного проникновения в глубину характера своих героев, в особенности женщин (существует даже понятие «тургеньевская девушка» как отражение ее русского типа). Вместе с тем Тургенев, как никто другой из русских писателей, смог увидеть в окружающей его действительности рождение новых людей, стремящихся (в отличие от «лишних» литературных героев печоринского типа) к изменению социально-политической действительности, т. е. будущих (с позиции права и закона) преступников-революционеров. Например, уже упоминавшийся нигилист Базаров в «Отцах и детях»; «народники» Нежданов, Маркелов и Соломин как герои романа «Новь»; участник кружка людей, увлеченных немецкой философией, Рудин, закончивший свою жизнь на революционной баррикаде, в одноименном романе; болгарин Инсаров, отдавший свою жизнь за освобождение родины от турецкого ига, в романе «Накануне»; наконец, девушка, посвятившая себя революции, в стихотворении в прозе «Порог». В таком же контексте (т. е. в рамках преступного сюжета) писатель находит место и для художественного изображения преступлений помещиков в отношении своих крепостных («Записки охотника», «Старые портреты»).

Но, к примеру, И. А. Гончарова такие преступные сюжеты как-то не заинтересовали. Не отразились они ни в «Обыкновенной истории», ни в «Обломове». И хотя в романе «Обрыв» в образе Марка Волохова и проглядывают черты революционера-народовольца, но, например, до Базарова тому далеко, что, конечно же, объясняется совершенно иной степенью авторского интереса к личности изображенного им героя произведения и его идеологическим «пристрастием».

Таким образом, как для досоветской, так и советской (за исключением времен категорического неприятия проблемы преступности в связи с требованиями «социалистического реализма») и современной постсоветской литературы обращение писателя к преступному сюжету определяется субъективным интересом автора к данной проблеме. Как говорится, кому нравятся поп, кому попадья, а кому попова дочка. И ничего здесь необычного нет. Другое дело – причины возникновения такого интереса или его отсутствия. Они носят сугубо личный характер.

Так, вопросом о возможном «пристрастии» или отсутствии такового у писателя задавался еще известный советский литературовед Ю. М. Лотман и давал на него исчерпывающий ответ. «Отсюда (при такой постановке вопроса. – А. Н.) возникает очень серьезный вопрос, который всегда останавливал моралиста, и останавливал с основанием: что искусству позволено, а что – нет? Искусство – не учебная книга и не руководство по морали. Мы считаем, что современное искусство очень опасно – там много пороков. Но возьмем Шекспира. Что мы читаем в его трагедиях? Убийства, преступления, кровосмесительство... Но в искусстве это почему-то оказывается возможным. И никто не обвинит Шекспира в безнравственности! Правда, было время, когда обвиняли... Но почему убийство как предмет искусства не становится призывом убивать? Искусство стремится быть похожим на жизнь, но оно не есть жизнь. И мы никогда не путаем их... И разница между ними велика. Поэтому преступление в искусстве – это исследование преступления. В одном случае изображение вещи, в другом – сама вещь. И все многочисленные легенды о том, как художники создают произведения, не отличимые от жизни, заменяют искусство жизнью, возникают в области наивного взгляда на искусство»⁷.

Интересно, что именно на такую позицию выдающегося филолога совсем недавно сослался в своем интервью глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ профессор МГИМО Владимир Легойда. Вместе с тем, связывая проблему с существованием феномена «буквального воздействия искусства», он справедливо считает: «Кто-то все равно не увидит в фильме, кроме ужасов. Кто-то ничего, кроме обнаженки. Кто-то – кроме крови. И это, кстати, не зависит от интеллекта. Потому ответственность художника – тоже важное составляющее процесса творчества»⁸. И, разумеется, не всякий писатель, взявшийся изображать преступление, сможет «дорастить» до уровня Достоевского, но помнить о своей ответственности перед читателем обязан каждый.

Об этом и, по сути дела, таким же образом рассуждает и известнейший российский театральный режиссер Марк Розовский – художественный руководитель театра «У Никитских ворот». Он комментирует «режиссерские» мотивы постановки спектакля «Фанни» (по им же написанной пьесе) о террористке Каплан, обвиняемой и расстрелянной за покушение (по официальной версии) на жизнь Ленина. На вопрос о том, не боится ли тот обвинений в оправдании терроризма в связи с тем, что образ главной героини пьесы не лишен многих положительных черт (фанатичная преданность своей революционной идее, ум, прозорливость, насмешливость характера), он дал следующий ответ: «Я не приемлю терроризм в любых его формах и проявлениях, так что симпатий никаких нет и быть не может. Но спектакль должен рождать эмоции, и они бывают непредсказуемы. И даже не всегда объяснимы логикой. Художественное произведение часто интересуется заблуждениями героев, совершающих злодеяния, но при этом демонстрирует их внутренний мир, стараясь понять мотивы и причины тех или иных поступков и преступлений. На этом пути авторы всегда правы. Вот Шекспир... Давайте обвиним его в “симпатии” к Гамлету или Отелло, а ведь они – убийцы, хоть и искавшие справедливости, но один – мститель, другой – душитель! А разве д’Артаньян – не обаятельный юноша, оставляющий после себя горы трупов? Еще пример – пушкинский Годунов. У него “мальчики кровавые в глазах”, а мы, признаваясь, ему сострадаем в театре! Классика Чехова – рассказ “Спать хочется”, всего пять страничек, на которых гениально выписан страшнейший сюжет: ребенок убивает ребенка, а мы, читатели, глубоко сочувствуем Варьке, ибо видим отчетливо, что творится в ее раздрыганной от усталости душе. Искусство на то и искусство, что хочет докопаться до глубин человеческого “я”, открыть секреты поведения, живописать характеры и подвести нас к итоговому размышлению, где зло, а где добро».

⁷ Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.

⁸ РГ. 2020. 13 марта.

Так что не следует путать автора с героем произведения и приписывать ему совпадения мотивов преступления, совершенного персонажем, и побуждениями самого автора. Увы, такое в нашей истории бывало и, например, описано во второй части «Преступного сюжета» на примере судебного процесса Синявского и Даниэля.

Но как в одном случае получается нагнетание, допустим, преступной жестокости совершаемого литературным героем преступления («море крови», «гора трупов»...), а в другом – правдивое позитивно воздействующее на читателя изображение того же преступления? Известный советский поэт и один из ведущих ученых-достоевсковедов Игорь Волгин приводит следующий рассказ о работе Достоевского над образом Раскольникова (в романе «Преступление и наказание»). Писатель находился в это время в гостях у одного из своих друзей, на даче под Москвой. Жил в отдельном флигеле, куда хозяин отправлял ночевать лакея (на случай внезапного приступа эпилепсии у Федора Михайловича). Но вскоре лакей взмолился: избавьте меня от этого поручения, боюсь, барин замышляет кого-то убить, ходит по комнате и вслух строит свои злодейские планы. Дело в том, что у писателя действительно была привычка проговаривать текст перед тем, как его записать⁹.

Несколько слов о возможных литературных «пристрастиях» обитателей следственных изоляторов и исправительных колоний, т. е. отбывающих лишение свободы (как в качестве наказания, так и пребывания в предварительном «предбаннике»). И если, как известно, читательская среда нашего общества утончается, то, как ни странно, относительно так называемого спецконтингента (по классической официальной гулаговской терминологии) она имеет тенденцию к увеличению. И если для Шаламова «зэк» – это, в первую очередь, вор или убийца, носитель и хранитель преступно-воровских традиций, едва ли за всю свою жизнь прочитавший хотя бы одну книжку, то сейчас «население» нынешнего варианта ГУЛАГа значительно изменилось. Хотя справедливости ради надо помнить, что ведь и во времена Шаламова этот контингент значительно «разбавлялся» осужденными за контрреволюционные (антисоветские) преступления (чаще всего необоснованно).

Другое дело, что гулаговский лагерь – это не следственный изолятор, и туда литературное «чтиво» не доходило. Администрация тех же лагерей была озабочена не досугом отбывавших наказание, а выполнением производственных планов (весьма жестких). Особенно заметно увеличение «читательской» публики в отношении нынешних «насельников» соответствующих «отделений» Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН). Нравится это кому-либо или нет, но доля «культурного» (как в кавычках, так и без оных) и образованного контингента увеличивается и увеличивается. Во-первых, за счет пребывания там лиц, осужденных или привлекаемых к уголовной ответственности за экономические преступления, например, в сфере предпринимательства (опять-таки в равной степени попавших туда законно или незаконно). Во-вторых, за должностные преступления, например, за так называемые коррупционные преступления (с той же оговоркой насчет законности их уголовного преследования: в данном случае речь идет совсем не об этом). Разумеется, что остаются там и «воры» как носители воровских традиций, но роль последних, конечно, уже не та, что была когда-то в советские пенитенциарные времена, и работникам соответствующих учреждений это следует учитывать в своей повседневной работе. Последняя должна по закону носить воспитательный характер. Увы, это не всегда получается.

Опишем лишь одно событие, случившееся в Ярославской исправительной колонии всего лишь три года назад, т. е. в 2017 г. (согласимся, что почти «сегодня»!), и ставшее известным из наших СМИ («Российская газета», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда»). У осужденного вышел конфликт с администрацией колонии после обыска в камере. Тот, уви-

⁹ См.: Волгин И. Странные сближения. Национальная жизнь как литературный сюжет. М.: Академический проект: Парадигма, 2019.

дев на полу личные письма, позволил себе нелицеприятные выражения в адрес сотрудников ФСИН и вскоре был уведен «на беседу» в комнату «воспитательной работы». Там его избili дубинками по подошвам ног и применили другие пыточные приемы. Появившееся об этом в Сети видео было снято регистратором, закрепленным на груди одного из сотрудников. «Беседовали» с осужденным, сменяя друг друга, до десятка работников колонии. После публикации видео (с пытками) некоторые сотрудники исправительной колонии задержаны, преданы суду и осуждены¹⁰.

Как уже отмечалось, отсутствие интереса у некоторых писателей к проблеме преступления и наказания отчетливо и вполне сознательно проявилось с насаждением в советской литературе принципа социалистического реализма. Не преступность и преступника должен изображать писатель, а строительство коммунизма и его героев на пути к нему. Но связывать это лишь с подведением литературы под установленные стандарты было бы явным упрощением. Такое «пренебрежение» уголовно-правовой проблематикой было характерно даже для некоторых представителей «шестидесятников-семидесятников», вовсе не входящих в число обслуживателей существовавшей тогда *Власти* (например, как об этом будет рассказано в известнейшем романе А. Битова «Пушкинский дом»).

То же самое относится и к постсоветской литературе. Правда, в последнем случае оно требует определенных оговорок. В первое десятилетие постсоветской действительности (уже наступившего века) «пренебрежение» преступным сюжетом для того или другого писателя следует объяснить специфическими причинами. Эти годы были своеобразным «взрывом» преступности, показатели которой превзошли привычные о ней представления. Преступления любые (даже самые тяжкие) перестали поражать воображение. Они стали рядовым, обычным явлением, а переполненность «тюрем» привела к тому, что «тюремные» нравы и обычаи стали «достоянием» значительной части населения. И в этом смысле игнорирование преступного сюжета означало не стремление писателя закрыть глаза на это отвратительное явление, а лишь отсутствие у него интереса к такой тематике. Ну не интересует его личность, допустим, наемника-«киллера» и наркоприобретателя или торговца таким «зельем». И для писателей, обратившихся к художественному изображению указанных проблем, достаточно обоснованным видится появление стремления взглянуть на них с позиции невинно осужденных за преступления, которые они не совершали (а наше правосудие, как, впрочем, и любое другое, не смогло «зачеркнуть», т. е. искоренить данную проблему). В постсоветское время мы вернулись к свободе выбора писателем темы своего художественного произведения. И отсутствие у того же А. Битова интереса к проблеме преступления и наказания точно так же объяснимо, как отсутствие его у, например, уже упомянутого классика Гончарова.

Что в ходе написания книги было самым трудным для автора? Субъективность и противоречивость оценок «великих» своих «собратьев» по литературе и по их позиции в части использования преступного сюжета в своих произведениях. Например, в трактовке тех же преступных мотивов и оценки наказаний своих героев, нравственной оценки совершенного ими, наконец, оценки коллег по перу, их значимости для литературы и отводимого в ней места этой проблеме. Согласитесь, что как-то необычно узнавать, что Лев Толстой не признавал Шекспира и драматургию Чехова, а Бунин отрицал поэтический талант Есенина. Что уж говорить тогда о «палитре» соответствующих оценок в литературной критике. Как на все это реагировать? В принципе достаточно просто. Есть незаинтересованный судья, арбитр сделанного в литературе. Им является время. Оно нивелирует чаще всего крайние оценки (от восторженных до уничижающих) результатов литературного творчества любого писателя, его места в национальной и мировой культуре. Упомянем лишь лауреатов Нобелевской премии. Сколько их

¹⁰ См.: Меркачева Е. Видео пыток в Ярославской колонии поразило первобытной жестокостью // Московский комсомолец. 2018. 23 июля.

осталось в памяти «народной», и сколько не смогло (опять-таки по чисто субъективным причинам) попасть в список избранных. Время все расставило по своим местам. И личные вкусы, например, Л. Толстого не помешали мировому признанию драматургии Шекспира и Чехова. Но не учитывать особенности литературного процесса любой эпохи тоже нельзя, так как это отдаляет нас от отыскания истины в указанном направлении.

Автор данной книги – юрист. И для него литературное отражение преступного сюжета служит важным средством наполнения проблемы преступления *особенным* проникновением писателя в содержание преступного поведения, раскрытие психологической характеристики преступника и его мотивов и побуждений, вызванных именно авторским представлением (художественным воображением писателя). Думается, что эти аспекты восприятия проблемы интересны не только профессиональным юристам (хотя в первую очередь именно им).

Несколько слов о том, откуда (с чего?) у автора возник интерес к литературоведению? В 1956 г. (еще была зима) я заканчивал 10-й класс (выпускной) средней школы. Моя мать (редактор районной газеты) приобщила меня к чтению «Литературной газеты» и «Нового мира». И вот в журнале (№ 1) мое внимание привлекла публикация Ираклия Андронникова «Тагильская находка. Из писем Карамзиных». В ней речь шла об обнаруженных в Нижнем Тагиле (в музее краеведения) письмах Андрея Карамзина (сына знаменитого историографа) своим родным и их ответных письмах: матери Екатерины Андреевны, старшей сестры Софьи Николаевны (находились в дружбе с Жуковским, Пушкиным, Лермонтовым), реже – его других родственников. Переписка охватывала период с 27 мая 1836 г. до 30 июля 1837 г. Главное содержание писем – обсуждение последней трагической дуэли, ее обстоятельств и причин, включая и события последующие (их отражение в светской жизни Петербурга). Источник сведений – интерпретация таковых завсегдаями известного карамзинского салона, непременно посетителями которых были, например, и П. А. Вяземский, и В. А. Жуковский, и В. А. Соллогуб, и А. И. Тургенев, хорошо осведомленные об этих событиях. Комментарий Андронникова к данным письмам напоминает по увлекательности сюжета и новизне сведений настоящий детектив.

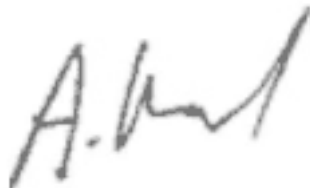
Вторая встреча с Ираклием Андронниковым как литературоведом произошла уже значительно позже, когда я преподавал уголовное право в юридическом вузе. Мне повезло приобрести его книгу «Рассказы литературоведа» со вступительной статьей К. Чуковского (М.: Детская литература, 1973). В ней была перепечатка и «Тагильской находки», но в большей степени она посвящалась творчеству М. Ю. Лермонтова. И, даже по меркам сегодняшней полиграфии, книга была издана просто великолепно (бумага, шрифт, иллюстрации), и я до сих пор люблю перечитывать тот или иной ее фрагмент (в связи с чем предсказания об исчезновении печатной книжной продукции и замене ее электронными текстами мне кажутся несерьезными).

Ну а дальше? Конечно же, в дальнейшем, кроме Андронникова, пришлось обращаться к современной литературной критике. Выработалась привычка начинать читать «Новый мир» с критики, с рецензий профессионалов-литературоведов на выходящие новинки отечественной и зарубежной литературы. Разумеется, пришлось сравнивать «новомирскую» критику с таковой в других «толстых» журналах, в том числе и специально опубликованных сборниках. Сошлюсь лишь на самых знаменитых авторов: досоветских (Д. Святополк-Мирский), эмигрантских (В. Ходасевич, Г. Адамович), советских (К. Чуковский, Э. Герштейн, М. Бахтин, Л. Гинзбург, А. Бочаров, В. Кожин, С. Аверинцев и др.), постсоветских (Н. Иванова, В. Бондаренко, Е. Сидоров, Л. Аннинский, А. Жолковский, Дм. Быков, Е. Водолазкин, Вл. Новиков, В. Топоров, И. Роднянская, С. Чупринин, О. Лекманов, И. Сухих и др.).

В 2012–2015 гг. автор в журнале «Юрист спешит на помощь» (приложение к «Российской газете») вел ежемесячную рубрику очерков на тему «Отражение проблемы преступления и наказания в отечественной художественной литературе». В дальнейшем автор продолжил

работу в этом направлении и полученные результаты представляет на ознакомление читателей, интересующихся указанной проблемой, в виде данной книги, надеясь на их благосклонное отношение.

6 января 2021 г.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'A. Naumov'.

Часть I. Преступный сюжет в русской классической литературе

Глава 1. Вторая половина XVIII в.: Радищев, Новиков. Литературный и исторический фон эпохи. Предшественники «классики» (литература Древней Руси; Ломоносов, Державин, Фонвизин)

Почему начало рассмотрения обозначенной проблемы (преступный сюжет в русской литературе) мы начинаем с XVIII столетия? Куда делась древнерусская литература? Последнюю принято датировать семью веками ее существования (XI–XVII вв.). В числе них и «Повесть временных лет», созданная монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1113 г., и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона (первая половина XI в.), и первые русские жития (князей Бориса и Глеба в изложении игумена Печерского монастыря в Киеве Феодосия), и «Поучение» великого князя Киевского Владимира Мономаха (1053–1125 гг.), и, пожалуй самое известное, «Слово о полку Игореве» (80-е гг. XII в.), и «Повесть о разорении Рязани Батыем» (1237 г. – конец XIII в.), и «Задонщина» (примерно конец XIV в.), и «Повесть о Петре и Февронии Муромских» (середина XVI в.), и «Великие Минеи-Четьи» и «Домострой» (также XVI в.), и «Повесть о Шемякином суде» (XVII в.), и «Житие протопопа Аввакума» (1621–1682 гг.), и многие другие литературные произведения¹¹.

Тем не менее в обозначенный «формат» нашего исследования они не вписываются. Во-первых, никто не оспаривает художественный характер названной литературы. Однако нельзя не отметить и ее специфичность – это «памятники», которые включают не только собственно художественные произведения, но и исторические – «летописи и летописные повести, и жития – рассказы биографического характера о людях, признанных церковью святыми, и описание путешествий (“хождения” или “хожания”), и послания, и ораторские произведения»¹². В общем и целом, как бы то ни было, эта литература больше всего сближается с летописным изложением определенных событий на Руси. И, разумеется, сюжет преступления и наказания в данном случае лишен какого-либо художественного «вымысла» (пусть и имеющего свой аналог в жизни). Все преступления при этом сводятся к описанию либо преступного поведения завоевателей (обычно чинимого татаро-монгольскими полчищами), или не менее жестоких и преступных действий в ходе внутренних княжеских междоусобиц на Руси. Как говорится, «что было, то было» или «имеем то, что имеем».

Известно, что великая русская литература, признаваемая таковой во всем мире, это, в первую очередь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и А. П. Чехов, а истоки последних идут от А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, т. е. с XIX в. Отчего же мы начали с века XVIII? По двум причинам. Во-первых, чтобы объяснить, каким образом наша литература стала великой и общечеловеческой. Что и Л. Толстой, и Достоевский, и Чехов возникли в русской литературе не на пустом месте. Но главное – именно в литературе XVIII в. *преступный сюжет* получил не

¹¹ См. Дмитриев Л. А., Кочетков Н. Д. Литература Древней Руси в XVIII веке // Русская литература XI–XVIII вв. М., 1988. С. 3–10. В открытии и возвращении в оборот этой литературы высочайшая заслуга (подлинный научный подвиг) принадлежит Д. С. Лихачеву. См., например: Лихачев Д. С. Избранные работы. В 3 т. Л., 1987.

¹² См.: Дмитриев Л. А., Кочетков Н. Д. Указ. соч. С. 5.

только обозначение, но и расшифровку, подлинный литературный (творческий) анализ, чего, увы, ранее не замечалось.

Напрямую проблема преступления и наказания нашла отражение в русской литературе обозначенного периода в произведениях именно А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. Разумеется, в чисто художественном плане в историю литературы вошли и их не менее великие современники: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин. Однако преступный сюжет не привлекал (или не особенно привлекал) их, хотя при тщательном анализе творчества этих писателей можно отыскать «следы» названного сюжета. Так, например, *Ломоносов М. В. (1711–1765)* в своей «5-й надписи к статuae Петра Великого» (1751), наряду с военными победами, превратившими Россию в мощное государство, к равноценным заслугам Петра I относит его усилия по развитию отечественной науки («собрание наук») и *судебные* реформы («исправленны суды») вместе с *уголовными законами*, преследовавшими наказание виновных в совершении преступления и достижение справедливости в судебных процессах. В героической поэме «*Петр Великий*» («Песнь первая» 1760 г.) Ломоносов описывает жестокости *преступлений*, совершаемых во время противоположительственных мятежей (стрелецких):

Злодейской вольностью плененная Москва
Казалось в пропасти погребена жива...
Везде тревогу бьют. Мятежнический крик,
Напомнив слезный град, до облаков достиг.
Рыканья зверские неистово возносят...
По граду из Кремля рассыпался мятеж:
В рядах, в домах, в церквах насильство и грабеж,
Там жадность с наглостью на зло соединилась
И к расхищению богатства устранилась.
Презрение святынь, позор почтенных лиц,
Укоры знатных жен, ругательства девиц,
Лишение всего богатства превышали.

Державин Г. Р. (1743–1816) – бесспорно самый крупный поэт второй половины XVIII в., имевший непосредственное отношение к государственной службе и законодательной деятельности (губернатор, кабинет-секретарь Екатерины II, член Комиссии составления законов, Министр юстиции и член Государственного Совета). Проблема преступления и наказания в его стихах выразилась в представлениях автора о *справедливом правосудии*. В стихотворении «*Властителям и судьям*» (1780–1787):

Ваш долг есть: сохранять законы.
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.
Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков...

В стихотворении «*Праведный судья*» (1789):
И мысленным очам моим
Не предложу я дел преступных;
Ничем не приобщуся к злым,

Возненавижу и распутных
И отвращуся от льстецов...
От порицаний устранюсь,
Наветов, наущений тайных,
И изгоню клеветников.

Об этом же, по сути, и фрагмент оды «*Изображения Фелицы*» (1789):

Ваш долг монарху, Богу, царству
Служить и клятвой не играть;
Неправды, злобе, мзды, коварству
Пути повсюду пресекать;
Пристрастный суд разбоя злее, –
Судьи-враги, где снят закон;
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон.

Тем не менее и у Державина преступный мотив не стал ни постоянным, ни центральным в его значительном литературном наследии. Как и у автора первой русской национальной комедии «*Недоросль*» (1782) предшественника Гоголя *Фонвизина Д. И.* (1745–1792). Писатель впервые в отечественной литературе в остро сатирической форме показал представителей некультурного, развращенного помещичьей властью дворянства, растлевающее значение крепостного права, а имена главных героев (Митрофанушка, Скотинин) стали нарицательными, но до изображения данного феномена как преступного автор еще не дошел (да, разумеется, и не мог прийти по вполне политическим причинам: для этого нужен был вызов Власти и возглавляющей ее всесильной императрице).

В отличие от названных авторов, для *Радищева* и *Новикова* идеи преступления и наказания, собственная интерпретация последних являются ключевыми для оценки их литературного творчества. Высказанные в художественной и публицистической форме, они по своему уголовно-правовому содержанию оказываются вполне юридически профессиональными, сохраняющими и по сей день такое значение. Оба писателя откровенно называют существовавшее в России крепостное право *преступлением*, а носителей его – *преступниками*. Власть, конечно же, не могла им простить этого: и тот и другой сами были объявлены преступниками и приговорены к строгим наказаниям. Но что и почему было для них преступлением? Для ответа на этот вопрос дадим кратчайшую справку как по истории России, так и по состоянию преступности той эпохи.

Это был период правления Екатерины II (1762–1796) – один из самых успешных в истории России. Не случайно он называется екатерининским, а сама императрица была прозвана Великой. Такая оценка связана с тем, что в годы ее царствования значительно расширилась территория государства (в том числе и путем ведения успешных войн, например, русско-турецких 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., присоединения Крыма в 1783 г.). Примерно в два раза – с 18 до 36 миллионов – увеличилось население страны. При сохранении крепостного права Россия встала на путь развития капиталистических отношений. Наблюдался рост числа промышленников (заводчиков) из числа купцов и богатых крестьян. Все это происходило на фоне окончательного закабаления крестьян, превращения их в крепостных рабов, а дворян – во всемогущих помещиков. Процветала торговля крепостными крестьянами. Это неизбежно породило восстания, главным из которых была война под предводительством Е. И. Пугачева. Данное событие являлось определяющим преступность эпохи. Для Екатерины всегда сохранялась и опасность дворцовых переворотов (она сама взойшла на престол в результате точно такого

же переворота и убийства законного императора Петра III). Проявлением преступности было также невероятное казнокрадство и взяточничество, доставшееся императрице от прежних правителей России.

В 1796 г. на российский престол вступил сын Екатерины II Павел I, который предпринял ряд реформ, направленных против порядка и политики своей матери. Все ее помощники и фавориты были отстранены от дел, а некоторые репрессированные помилованы (Радищев, Новиков, Костюшко и др.). Все французское преследовалось (книги, журналы, моды). Взамен насаждалось прусское, приверженцем которого был сам Павел. Отменялись многие пункты жалованной грамоты дворянству. Гвардейских офицеров, отвыкших при Екатерине от тягостей службы, новый император пытался заставить исполнять свои обязанности. За провинность он сам срывал с офицеров эполеты и даже приказывал ссылать их в Сибирь. Жестоко преследовал воровство и казнокрадство в армии. Павел пытался навести порядок и в чиновничьей службе. В этих нововведениях было много полезного, но осуществлялись они таким образом, что неизбежно отвергались дворянством. Армия и гвардия с утра до вечера были заняты муштрой, нарядами и разводами. Везде были установлены казарменные порядки. Вздорный и неуравновешенный Павел, как жаловались тогда, «казнил без вины, награждал без чести». Следует отметить, что некоторые его реформы ограничивали всевластие помещиков над крестьянами. Так, он разрешил крестьянам подавать жалобы на своих господ. Крепостные крестьяне получили право присягать новому императору. Были изданы указ о запрещении продавать дворовых людей и крепостных крестьян без земли, а также манифест, запретивший помещикам принуждать крестьян к работе в праздничные дни и установивший, что лишь три дня в неделю помещик мог использовать крестьян на барщинных работах. Однако в целом Павел I способствовал расширению крепостного права, значительно увеличив количество крепостных крестьян в России.

Недовольные указанными реформами организовали заговор (во главе с генерал-губернатором Петербурга графом Паленом). В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики при поддержке батальонов Семеновского и Преображенского полков ворвались в Михайловский замок, в котором находился император, проникли в спальню и, объявив об аресте императора, зачитали акт отречения его от престола. При этом они избили его, а затем убили. Так произошел последний в России дворцовый переворот. На престол вступил сын Павла I Александр I.

Проблемы преступления и наказания в творчестве А. Н. Радищева

Радищев А. Н. родился 20 (31) августа 1749 г. в семье крупного помещика (его отец владел двумя тысячами крепостных). В 1703 г. будущий писатель поступил в Петербурге в Пажеский корпус (до этого он получил домашнее воспитание). Корпус готовил государственных деятелей. Его программа включала самые разнообразные предметы (в том числе литературу, механику, историю, философию, естественное и народное право, государственное право). Однако, по свидетельству современников, преподавание там велось на низком уровне. Тем не менее, максимально используя свободное время для изучения научных дисциплин, Радищев преуспевал в учебе и в 1766 г. в числе двенадцати наиболее подготовленных пажей был отправлен для завершения обучения в Лейпцигский университет. Там он тоже числился в числе наиболее успешных студентов. Отлично выдержав выпускной экзамен, Радищев осенью 1771 г. возвратился в Россию. Свою практическую деятельность начал со скромной должности протоколиста в Сенате. В 1773 г. он оставил службу в Сенате и перешел обер-аудитором (прокурором) в штаб главнокомандующего в Петербурге генерал-аншефа Брюса Я. А. Тот быстро оценил большие способности молодого чиновника и оказывал ему всяческую поддержку, однако Радищев оставил службу. Обязанность обер-аудитора состояла в том, что он должен был подбирать законы,

на основании которых военный суд выносил приговор виновным. Последними обычно были солдаты, которые за незначительные проступки против несения службы подвергались телесным наказаниям и каторжным работам. С этим Радищев примириться не мог.

В 1777 г. Радищев был принят на службу в коммерц-коллегию, которая ведала внутренней и внешней торговлей. Ее президентом был всесторонне образованный и влиятельный сановник А. Р. Воронцов. За время службы в коммерц-коллегии Радищев прослыл непримиримым борцом с мздоимством таможенных чиновников. Его успехи и неподкупность на этом поприще были замечены, и он даже был награжден орденом Владимира четвертой степени (при вручении ордена из рук самой Екатерины II он не встал, как это требовали обычаи, на колени).

Весной 1789 г. Радищев закончил работу над «Путешествием из Петербурга в Москву» и через год, ввиду отказа издателя опубликовать книгу, пользуясь указом Екатерины II, разрешающим частным лицам иметь собственные типографии, приобрел печатный станок и отпечатал «Путешествие...» в количестве 650 экземпляров. Одним из первых читателей книги была сама Екатерина II. В числе ее заметок на полях: «сочинитель стремится произвести в народе негодование против начальников и начальства, не уважает сана и власти царской». Императрица увидела, что писатель выступил против крепостного права и самодержавной формы правления. Она считала, что мысли сочинителя «совсем противны закону божию, десяти заповедям, православию и гражданскому закону», а оду «Вольность», встроенную в главу «Тверь», признала «совершенно явно и ясно бунтовской, где царям грозит плаху... Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские». Своему статс-секретарю А. В. Храповицкому она заявила, что Радищев – «бунтовщик хуже Пугачева», и приказала (тому же Брюсу) немедленно разыскать сочинителя, а книгу, «наполненную самыми вредными умственными, разрушающими покой общественный», изъять.

Вскоре (30 июня 1790 г.) начальник (обер-секретарь) Тайной экспедиции известный «запечных дел мастер» С. И. Шешковский доложил императрице, что сочинитель «зловредной» книги схвачен, закован в цепи и посажен в каземат Петропавловской крепости. Шешковский производил и следствие по этому делу (как и дело Пугачева). Палата уголовного суда, куда было передано дело, вынесла Радищеву (на пятнадцати листах!) смертный приговор, в конце которого говорилось: «За сие ево преступление Палата мнением и полагает, лиша чинов и дворянства... казнить смертию, а наказанные сочинения ево книги, сколько оных отобрано будет, истребить» (в России запрет «Путешествия...» был снят лишь в 1905 г.). Затем дело по инстанции перешло в Сенат. Сенаторы, подчеркнув, что Радищев «сочинил и издал столь вредное, неистовое и оскорбительное сочинение», постановили преступнику «отсечь голову» и направили материалы дела Екатерине II. Та переправила его в Государственный Совет, где приговор, вынесенный Сенатом, был утвержден. Наконец, высочайшим указом от 4 сентября 1790 г. (по ходатайству А. Р. Воронцова и по случаю заключения мира со Швецией) Екатерина подписала указ о замене Радищеву смертной казни ссылкой на десять лет в Сибирь, в Илимский острог. На предложение о даче прощения о помиловании Радищев ответил отказом и с мужеством переносил ссылку.

Осенью 1796 г. после смерти Екатерины II пришедший к власти Павел, ненавидевший свою мать, постарался отменить наказания, вынесенные Екатериной. В числе помилованных был и Радищев. Сибирская ссылка заменялась ему ссылкой в Калужскую губернию в село Немцово, принадлежавшее семье Радищевых. В 1801 г. уже Александр I, занявший трон после убийства своего отца Павла I, утвердил государственную комиссию для обновления законов, в состав которой (опять-таки по рекомендации А. Р. Воронцова) был зачислен и Радищев. Разумеется, какие-то законы Радищев пытался изменить. Например, чтобы защитить крестьян от произвола помещиков, он предлагал установить такой закон, который бы одинаково карал уголовных преступников независимо от социального положения, очень ратовал за то, чтобы преступления крепостных рассматривали не помещики, а суд, и чтобы подсудимый при этом

имел право брать защитника и отводить судей. Разумеется, в результате Радищев вновь попал под подозрение.

А. С. Пушкин по этому поводу отмечал: «Радищев, увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству, предался своим прежним мечтаниям. Граф Завадовский удивился молодости его седины и сказал ему с дружеским упреком: “Эх, Александр Николаевич... или мало тебе было Сибири?” В этих словах Радищев увидел угрозу». Убедившись в невозможности претворения в жизнь своих представлений о законности и правах, 11 сентября 1802 г. А. Н. Радищев принял яд.

Изучение философского и литературного наследия А. Н. Радищева позволяет выделить его уголовно-правовые взгляды по следующим вопросам, относящимся к преступлению и наказанию. Во-первых, его убеждение в праве народа на восстание против самодержавной власти, свержение и даже наказание (смерть) монарха. Во-вторых, его призыв к ликвидации крепостнического строя, крепостного права. В-третьих, его идея о праве крепостных крестьян на необходимую оборону от посягательств на их жизнь, здоровье и достоинство. В-четвертых, его представление о предупредительной функции закона (в том числе и уголовного). В-пятых, его план создания и назначения судебной (в том числе и уголовной) статистики.

В основе государственно-правовых взглядов Радищева, которые привели его к убеждению о праве народа на восстание против самодержавия и самодержцев, лежали труды основоположников естественной (договорной) школы происхождения государства и права (в частности, Руссо и его «Общественный договор»). В упрощенном пересказе суть этого учения сводится к следующему. Люди при создании государства заключают с верховной властью определенный договор, гарантирующий их естественные права и прописывающий их определенные обязанности по отношению к власти. В случае если власть нарушает этот договор, народ приобретает право на свержение властителя (монарха). Эти взгляды были высказаны Радищевым еще до написания и издания им «Путешествия из Петербурга в Москву», так разгневавшего императрицу. Например, в *примечаниях к переводу произведения Мабли «Размышления о греческой истории или о принципах благоденствия и несчастия»* он писал:

«Самодержавство есть наипротивейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, и звет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников, опричь права собственные сохранности. Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оное делать должны неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и наша природные власти, то дабы она употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашей обязанности. Неправосудия государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, коное дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества».

В принципе эти же самые взгляды (только в стихотворном и более эмоциональном ключе) были выражены и в «Путешествии из Петербурга в Москву». В главе «Тверь» автор поместил свою оду «Вольность», в которой, обращаясь к самодержцу как символу самодержавия, нарушившему естественный договор, в частности, заклинал:

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший.
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебе из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало,

Единой смерти за то мало,
Умри! Умри же ты сто крат!

Не довольствуясь этой оценкой с общим призывом, Радищев (явно в назидание действующей императрице) приводит исторический пример возможности суда над самодержцем:

Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил,
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла на суде казнил.

Радищев, не возвеличивая известного деятеля Английской буржуазной революции XVII в. Оливера Кромвеля (1599–1658), в целом отрицательно характеризуя его деятельность, в заслуги ему ставил казнь английского короля. Признаем, что в этих строках (как и во всей оде) вовсе не содержалось призывов к немедленному революционному выступлению, свержению Екатерины II. Радищев понимал всю бессмысленность и преждевременность такого шага и не претендовал на роль революционера-вождя, а высказывал лишь свои политические взгляды. Формально поступок Радищева (в частности, опубликование своей оды «Вольность») не нарушало ни одну из статей Соборного уложения 1649 г. об ответственности за посягательство на государя, его честь и здоровье, за государственную измену. Однако Екатерина II, исходя из интересов самодержавной власти (и собственных в том числе), справедливо полагала, что, как уже отмечалось, Радищев – «бунтовщик хуже Пугачева». Она прекрасно понимала, что одно дело – крестьянский вождь Емельян Пугачев, выдававший себя за убитого императора Петра III, и другое дело – дворянин и идеолог, проповедник возможности вооруженного свержения монарха. К тому же Екатерина, несмотря на аллегорическое изображение в главе «Спасская Полесь» монарха и его приближенных, прекрасно поняла намек на нее саму и ее фаворитов (в частности, Потемкина). И здесь уже было задето чисто личное достоинство императрицы.

Антикрепостнические настроения автора пронизывают все «Путешествие...». Например, в главе «Любани» рассказывается о жестокой, бесчеловечной эксплуатации крестьян. В главе «Зайцево» шла речь о помещике, который кормил крестьян из общих корыт, жестоко бил крепостных и издевался над ними. О продаже крестьян рассказывалось в главе «Медное». В главах «Хотилово», «Вышний Волочок», «Выдропуск» автор ставил вопрос о возможности освобождения крестьян самими помещиками. Во всех этих идеях также не было формального нарушения уголовного закона. Однако та же Екатерина сознавала, что крепостное право и дворянско-помещичьи землевладения являются основой существования монархического государства (и ее личной власти), и в этом ракурсе считала, что Радищев – «бунтовщик хуже Пугачева».

Радищев трезво оценивал причины пугачевского восстания и предупреждал императрицу и дворянство в целом о пагубности именно для последних крепостного права, о том, что в конечном счете оно приведет к гибели и дворянства, и дворянского государства.

«Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Загрубелье все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепляют и усовершенствуют внутреннее чувство. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противодействие. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться не возможет. Таковы суть братья наши, в узах нами сдерживаемые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И ее пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву.

Смерть и пожигание будет нам посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщение колько яростных сотворило рабов на погубление господ своих! Прельщенные грубым самозванцем, текут они ему вослед и ничего не желают, как освободиться от ига своих властителей; в невежестве своем другого средства к тому не умыслили, как их умерщвление. Не щадим ни пола, ни возраста. Они искали пача веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз. Вот что предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими <...>

<...> Неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в поправлении нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство».

Однако ни Екатерина, ни дворяне не воспринимали как следует предупреждение Радищева. Сиюминутные выгоды были для них значительнее их исторической ответственности. Следует согласиться с современным историком А. Зубовым: «Подавление бунта 1773–1774 годов превратилось в настоящую гражданскую войну, предвосхитившую войну 1917–1922 годов», что именно «пугачевская война стала предзнаменованием будущей российской кровавой Смуты» и что «страшное пророчество Александра Радищева сбылось до деталей через 125 лет»¹³.

Свои взгляды на право необходимой обороны крепостных крестьян от преступных посягательств помещиков Радищев излагает в главе «Зайцово» своего «Путешествия...». Фабула ее достаточно проста. Один из сыновей помещика при помощи двух братьев пытался изнасиловать невесту крепостного, несмотря на всяческое сопротивление последней. Жених, схватив кол, ударил им насильника по спине, а затем, догнав одного из братьев, ударил его тем же колом по голове. Раздраженный таким оборотом, отец насильников приказал «сечь кошками немилостливо» жениха. Тот выдержал побои, но увидев, что невесту господские дети потащили в дом, выхватил суженую, после чего оба (жених и невеста) пытались бежать. Жених, видя, что его настигают, выхватил «заборину» и стал защищаться. Помещик, узнав об этом, ударил своей тростью одного из крестьян «столь сильно, что тот упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте.

Убийцы были задержаны и переданы правосудию. «Виновные во всем признались, в оправдание свое приводя только мучительные поступки своих господ». Однако Радищев не находит «достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оногo сам убитый?.. Невинность убийцы, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идущу мне, нападет на меня злодей и, вознесши над головою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, и убийцею ли я почтуса, если я предупрежду его в злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну?»

В общем и целом взгляды Радищева на необходимую оборону и ее правомерность вполне соответствуют современным представлениям об этом уголовно-правовом институте. С некоторой долей упрощения можно сказать, что они соответствовали и дворянскому об этом представлению. Несоответствие же было в том, что правом на необходимую оборону писатель наделял и крепостных крестьян, что в корне противоречило крепостному праву как таковому. Но что будет, если все крестьяне будут так рассуждать и действовать? Опять налицо угроза самому существованию самодержавия – крепостному строю (и опять-таки Радищев – «бунтовщик хуже Пугачева»).

¹³ Новый мир. 2004. № 8.

Н. И. Новиков и его общественно-политические взгляды (в том числе на правосудие)

Новиков Н. И. (1744–1818) – русский просветитель, писатель, журналист, книгоиздатель. Учился в дворянской гимназии при Московском университете. Служил в Измайловском полку (в Петербурге), во время службы участвовал в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., приведшем Екатерину II на российский престол. В 1767 г. был командирован в Москву для работы протоколистом в Комиссии, созданной Екатериной II для составления нового уложения, работа в которой послужила основой формирования его антикрепостнических взглядов. После роспуска Комиссии (1769 г.) вышел в отставку (в чине поручика) и приступил к изданию сатирических журналов «Трутень», «Пустомель», «Живописец», «Кошелек», в которых обличал крепостнические и чиновничьи нравы. На страницах этих журналов вступил в полемику с Екатериной II как издателем и автором журнала «Всякая всячина». В середине 70-х гг. вступил в масонскую ложу, разделяя взгляды масонов на возможность нравственного перевоспитания дворянства, развращенного крепостным правом. Занялся издательской деятельностью, арендовав университетскую типографию в Москве и создав собственную «Типографскую компанию». Выпускал многочисленные периодические издания, журналы (в том числе и для детей), учебные пособия и книги по различным отраслям знаний (в том числе труды Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Г. Э. Лессинга). Им издавалось около трети всей печатной продукции, выпускаемой в России. В 16 городах России открыл книжную торговлю. Занимался благотворительностью: в Москве открыл библиотеку-читальню, создал две школы для детей разночинцев, бесплатную аптеку, оказывал помощь крестьянам, пострадавшим от голода.

Императрица с недоверием относилась к издательско-просветительной деятельности и полемической смелости его как журналиста, увлечению масонством. По ее приказу не была продлена аренда Новиковым университетской типографии. А после ареста и ссылки в Сибирь Радищева за его «Путешествие из Петербурга в Москву» она приказала арестовать (в 1792 г.) и Новикова и произвести обыск в его московских домах и подмосковном имении. Предлогом (надуманным) для ареста послужила старообрядческая книга, напечатанная в неизвестной типографии. Тем не менее Новиков был по предписанию императрицы заключен (сроком на 15 лет) в известную Шлиссельбургскую крепость¹⁴. В 1796 г. после смерти императрицы Павел I освободил (наряду с Радищевым и другими впавшими в немилость при Екатерине) Новикова от наказания. Пережитое так повлияло на писателя, что вплоть до кончины (в 1818 г.) тот безвылазно проживал в своем подмосковном имении, не участвуя в общественной жизни. Тому, что Новиков не совершил никакого преступления и суровое наказание было применено к нему незаконно, есть свидетельства Н. М. Карамзина, который в «Записке» на имя Александра I писал: «Новиков как гражданин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы»¹⁵.

Следует отметить, что свои общественно-политические взгляды Новиков выражал, как отмечалось, в основном в сатирических произведениях, т. е. не прямо, а иносказательно. Тем не менее он играл с огнем. Адресат его сатир, императрица Екатерина II, прекрасно понимала, оценив последние примерно так же, как взгляды Радищева – «бунтовщика хуже Пугачева».

Можно выделить три аспекта его идей, замаскированных под социальную сатиру. Во-первых (и более всего), разоблачающие судебский произвол, казнокрадство и взяточничество; во-вторых, антикрепостнические (привлекающие внимание к бесправности крепостных кре-

¹⁴ *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 672.

¹⁵ *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 233.

стыян и жестокому обращению с ними помещиков); в-третьих, критика (замаскированно-сатирическая) правления Екатерины с намеками на созданный ею «институт любовников», разоряющих государственную казну.

Так, в письме «племянничку» автор спрашивает того: «...для чего ты не хочешь идти в приказную (службу. – А. Н.)? Почему она тебе противна? Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам не наживна, то ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажать хорошую “деревеньку”»¹⁶. То есть чиновнику (в том числе и судейскому) «новые» законы о борьбе со взяточничеством, конечно, мешают, но при этом брать взятки очень даже можно, так как и «судейская наука вся состоит в том, чтобы искусенько пригибать указы по своему желанию, в чем и секретари много нам помогают... послушайся меня, просись к нам в город в прокуроры... тогда весь город и уезд по нашей дудке плясать будет... А тогда, когда мы наживемся, хотя и попросят, так беда будет не так велика, отрешат от дел и велют жить в своих деревнях. Во те на, какая беда! Для чего не жить, коли нажито чем жить... а как нажито, этого никто и не спросит»¹⁷.

В письме читателя к издателю автор сообщает о краже у судьи золотых часов («легко можно догадаться, что они были не купленные. Судьи редко покупают: история гласит, что часы по форме приказной с надлежащим судейским насилием вымучены были у одной вдовы, требующей в приказе, где судья заседал, правосудия, коего бы она, конечно, не получила, если бы не вознамерилась расстаться против воли своей с часами») племянником судьи («правосудию он учился у дяди, у которого, пришедши поздравить с добрым утром, украл и часы»). Украсть часы могли только два человека, которые входили в кабинет судьи: его племянник и лакей, малограмотный «подрядчик» – крестьянин, который два года поставлял в дом судьи съестные припасы и три года безуспешно просил оплатить его услуги. Разумеется, что подозрение пало на подрядчика и тот в результате примененных к нему пыток «признался» в краже. Вскоре стал известен и настоящий вор. В итоге было вынесено судебное решение: «вора племянника, яко благородного человека, наказать дяде келейно, а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут». Следует отметить, что, комментируя этот казус, Новиков провозглашает: «Худой тот судья, который через побои правду изыскивает, а еще хуже тот, который всякие преступления низкой только породе по предубеждению приписует, как будто бы между благородными не было ни воров, ни разбойников, ни душегубцев». При этом автор вспоминает о книге Беккария «Преступление и наказание»: «Видно, что сей судья никогда не читывал книги о преступлениях и наказаниях (*des dilits et des peines*), которую бы всем судьям наизусть знать надлежало»¹⁸.

В другом письме «издателю» Новиков описывает новоизобретенный способ судейской взятки: «В некоторых приказах появился новый способ брать взятки. Челобитчики или ответчики бьются с судьями и с секретарями о заклад таким образом: например, истец хочет, чтобы незаконное его требование было решено в его пользу; и так он с судьей спорит, что к такому то числу это дело в его пользу не решится, а судья утверждает, что решится. Заклад всегда бывает по цене того дела, и почти всегда сии заклады выигрывают судьи»¹⁹.

Затрагивает Новиков и до сих пор «модную» тему о «подарочной» сути взяточничества: «Он был судьей в некотором нажиточном приказе в то время, когда грабительство и взятки почитались подарками»²⁰. Другой судья «выдумал, по его мнению, безгрешный способ брать

¹⁶ Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 61.

¹⁷ Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 62.

¹⁸ Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 73, 74, 77.

¹⁹ Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 79.

²⁰ Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 92.

взятки, а именно: чтобы те дела вершить по прошествии двух часов пополудни, ибо, де, говорит он, жалование государево получаю я за то, чтобы быть в присутствии только до двух часов, а когда, да, пробуду я и третий час, тогда это сделаю не по указу, а по дружбе с челобитчиком, а тот по дружбе за то подарит. Какие же это взятки? Это, говорит он, подарки»²¹.

Антикрепостнические идеи, как уже отмечалось, высказывались Новиковым путем описания жестокого отношения помещиков к крестьянам:

«Безрассуд поносит меня за то, что в моих листах изображено состояние крестьян; ему и хвалить меня нельзя для того, что строгостию своею или, лучше сказать, зверством больше других утеснений ему подчиненных рабов»²².

«Злорад... на всех злостию дышит и называет скотами помещиков, кои слуг своих и крестьян не считают скотами, но поступают с ними со всяким милосердием и кротостью, а я назову тех скотами, которые Злорада назовут человеком, ибо между им и скотом гораздо более сходства, нежели между скотом и крестьянином. По его мнению, и скоты крестьяне равно сотворены для удовольствия наших страстей».

«Змеян, человек неосновательный, езда по городу, кричит и увещевает, чтоб всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям, чтоб не прощал им ни малейшей слабости, чтоб они и взора его боялись, чтоб они были голодны, наги и больны и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании».

«По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне... Бедность и рабство повсюду встречались со мною в образе крестьян... Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушал их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною». «Вскоре... пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босяками... и в одних рубашках и столь были дики и застращены именем барина, что боялись подойти к моей коляске... Робятишки, подведены были близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича: "Ай! ай! ай!.. не бейте нас!" Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испугались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил: "Да! чего испугались... ты нас обманул... это никак наш барин... он нас засечет". Вот плоды жестокости и страха, о вы, худые и жестокие господа! Вы дожили до того несчастья, что подобные вам человека боятся вас, как диких зверей»²³.

Сатирические «стрелы» в адрес императрицы, конечно, правильно расшифровывались не только самой Екатериной, но и другими читателями. «Ежели я написал, что больше чело- веколюбия тот, кто исправляет которых, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие?» «Видно, что госпожа "Всякая всячина" (т. е. сама Екатерина II. – А. Н.) так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит... Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная, но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся». В «потакании» порокам ясно видится намек автора на процветавший, как уже отмечалось, при Екатерине II фаворитизм. Она не только щедро раздавала фаворитам земли, крестьян, казенные деньги, но и закрывала глаза на их казнокрадство.

От имени возмущенных сатирой автора сановников один читатель новиковского «Трутня» с угрозой предупреждал издателя: «Не в свои, де, этот автор садится сани. Он, де, зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех (намек на императрицу. – А. Н.). Такая, де, смелость не что иное есть, как дерзновение. Полно,

²¹ Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 21.

²² Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 121.

²³ Новиков Н. И. Избранные сочинения. С. 46, 49, 126, 174.

де, его недавно отпряла “Всякая всячина” (т. е. сама Екатерина II. – А. Н.) очень хорошо, да это еще ничего, в старые времена послали бы потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения (т. е. на каторгу или в ссылку. – А. Н.), но нынче, де, дали волю писать и пересмежать знатных и за такие сатиры не наказывают (как ошибался автор, через некоторое время его наказали, как «в старые времена». – А. Н.)... Знать, что, де, он не слыхивал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога поломали... остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и барынь» (т. е. императрицу и ее ближайшее окружение. – А. Н.).

На примере такого преступления, как воровство, автор разоблачает преступность приближенных императрицы:

«В положительном степене, или в маленьком человеке, воровство есть преступление противу законов; в увеличивающем, т. е. в средней степени, или среднестепенном человеке, воровство есть порок, а в превосходительном степене, или человеке, по вернейшим математическим исчислениям воровство не что иное, как слабость... следовательно, и преступление такого человека должно быть превосходительное, а превосходительные по своим делам и наказание должны получать превосходительное. Но, полно, ведь вы знаете, что не всегда так делается, как говорится!»²⁴

Вот оно – принципиальное различие в понимании преступления как такового: для обычного человека – преступление, а для приближенных к власти – всего лишь «слабость», вполне заслуживающая снисхождения. Вот в чем и причина негодования императрицы: ее восприятие просветительской деятельности Новикова как тяжкого государственного преступления, и причина объявленного ему жестокого наказания.

²⁴ Новиков Н. И. Избранное. С. 28, 31, 32.

Глава 2. Первая половина XIX в.: Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь

Историческая характеристика эпохи (правление Александра I и Николая I)

Авторская разбивка века на две половины и в особенности характеристика его истории, включая историю и преступность, достаточно условна. Очевидно, что творчество Карамзина охватывается лишь эпохой Александра I. Лермонтов и Гоголь вписываются лишь в правление Николая I, а Пушкин еще, «кроме того», и Александра I. Но что поделать? Ну не «укладывается» Александр Сергеевич в «прокрустово ложе» временного пространства лишь одного из царей. К тому же и александровскую эпоху поэт «захватил» в годы своей молодости, но ведь все-таки «захватил», да еще как. «Прописался» в ней «Онегиным»! Ну а «Болдинская осень», нравится это нам или нет, пришлась на правление Николая I. Так что начнем с характеристики того, в какой России творили свои шедевры названные поэты и писатели и, учитывая аспект проблемы, какую преступность они наблюдали, и в чем заключалась особенность привлечения их внимания именно к определенным преступлениям, нашедшим свое отражение в их творчестве.

Оценка царствования Александра I (1801–1825 гг.) является достаточно противоречивой. При этом в современной исторической литературе справедливо выделяются два этапа его жизни и царствования, резко отличающиеся один от другого по своей общественно-политической направленности. Первый – примерно до образования в 1815 г. Священного союза России, Австрии и Пруссии (после победы в Отечественной войне 1812 г. и заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг.). Второй – до кончины императора в 1825 г. Первый период считается эпохой либерализма. Он начался с решительности молодого императора по устранению самых нелепых проявлений самодержавия его отца Павла I (широкая амнистия подвергшихся необоснованной репрессии, разрешение свободного въезда и выезда за границу, ввоз иностранных книг, отмена всевозможных ограничений и регламентации в быту, одежде), так раздражавших дворянство. Добившись этого, Александр I начал подготовку к решению серьезных общественно-политических и экономических проблем, в первую очередь направленных на реформу государственного управления в России и отмену крепостного права. Все это делалось при помощи известных своими *либеральными* взглядами молодых его приближенных – П. А. Строгановым, А. Е. Чарторыйским, В. П. Кочубеем, Н. Н. Новосильцевым, М. М. Сперанским. Однако в конечном счете на отмену крепостного права император не решился, чувствуя, что дворянство не поддержит такую реформу.

Главным событием той эпохи была Отечественная война 1812 г., вызванная нашествием Наполеона. В ней Россия выполнила свою историческую роль освободительницы Европы. В итоге войны между Россией, Австрией и Пруссией был заключен договор, носивший откровенно религиозно-монархический характер, имевший целью поддержку существующих монархических династий и борьбу с революционными движениями в Европе. Это означало и окончательную остановку ранее осуществлявшихся внутренних реформ либерального характера. Самым близким к императору человеком стал А. А. Аракчеев, с чьей помощью в России был создан настоящий военно-полицейский режим. Более всего он был связан с идеей так называемых военных поселений, что породило вооруженные восстания солдат (в частности, восстание военных поселенцев в г. Чугуеве на Украине и волнения гвардейского Семеновского полка в Петербурге в 1820 г., подавленные с необычайной даже по аракчеевским меркам жестокостью).

Последнее десятилетие правления Александра I характеризовалось созданием первых политических организаций и тайных дворянских обществ. Во время успешного для России заграничного похода русской армии лучшие представители дворянства увидели резкое отставание России от развитых европейских стран, и в основе которого лежало крепостное право как главное препятствие модернизации страны. В 1814 г. указанные тайные общества были оформлены в Северное (под руководством К. Ф. Рылеева) и Южное (возглавляемое П. И. Пестелем), имевшие свои проекты изменения государственного строя (конституционно-монархического и республиканского). Неожиданная смерть в ноябре 1925 г. Александра I и возникшие «неполадки» с престолонаследием вынудили заговорщиков «досрочно» начать в Петербурге вооруженное выступление Северного общества, получившее по его дате (14 декабря) название «восстание декабристов, жестоко подавленное уже Николаем I. Таким же образом было подавлено и восстание Черниговского полка в конце декабря 1825 г. – начале января 1826 г. (Южного общества).

Напуганный восстанием декабристов, новый царь (Николай I) в основу своего правления положил уничтожение, даже хотя бы и в зародыше, любой революционной «заразы». При этом идеал государственного устройства он видел в военизации управления государством, насаждении военной дисциплины и казарменных порядков. Была создана наделенная неограниченными полномочиями тайная полиция (корпус жандармов и III отделение Собственной Е. И. В. (т. е. Его Императорского Величества) канцелярии во главе с А. Х. Бенкендорфом). Незыблемым оставалось и крепостное право, хотя Николай I и понимал необходимость его отмены. Продолжались жестокие подавления солдатских восстаний (например, в Севастополе и Новгороде), вызванные попыткой властей совместить воинскую службу с крестьянской повинностью в военных поселениях. В конце 20-х гг. достаточно успешно Россия провела войны с Турцией. А в 1853 г. русский флот одержал крупную победу (под Синопом) над турецким флотом. Однако в развитии промышленности Россия фактически значительно отставала от передовых стран Европы, что выяснилось, конечно, в Крымской войне, объявленной России в 1854 г. Англией и Францией. Несмотря на доблесть русских солдат и матросов, проявленную при обороне Севастополя, техническое отставание России (например, паровому флоту союзников противостоял устаревший парусный флот: русская армия была вооружена гладкоствольными ружьями, а союзные армии имели на вооружении уже нарезное оружие), Россия потерпела в этой войне поражение, зафиксированное тяжкими для нее условиями Парижского мирного договора 1856 г. Эти события так повлияли на Николая I, что в феврале 1855 г. он скоропостижно умер (в обществе распространялись слухи, что он даже отравился).

Н. М. Карамзин (1766–1826) – как писатель и историк

Самым главным его литературным произведением является повесть *«Бедная Лиза»* (1792), фабула которой была необычайной для своего времени. Это сентиментальная история о том, как крестьянка Лиза и дворянин Эраст полюбили друг друга, но последний вскоре покинул приглянувшуюся ему возлюбленную, чтобы жениться на богатой вдове и тем самым поправить свое состояние. Бедная девушка с горя утопилась в пруду. Книга имела громадный читательский успех и стала едва ли не, говоря по-современному, бестселлером (по праву впервые в русской литературе), высоко оцененным и критикой (даже самим В. Белинским), а ее автор был признан главой русского сентиментализма.

Правда, если повесть к проблематике преступного сюжета в литературе отношения не имеет, то сам автор считается «изобретателем» оценки преступности в России того времени. Так, М. Зощенко в *«Голубой книге»* (1935 г.) отмечал: «В свое время знаменитый писатель Карамзин так сказал: “Если б захотеть одним словом выразить, что делается в России, то сле-

дует сказать: “воруют!”²⁵. Много позже это же утверждается и в повести Довлатова «Чемодан» (1991 г.): «Двести лет назад историк Карамзин побывал во Франции. Русские эмигранты спросили его: “Что, в двух словах, происходит на родине?” Карамзину и двух слов не понадобилось. – “Воруют”, – ответил Карамзин...”²⁶

В мае 1789 г. молодой в то время русский писатель Карамзин отправился в путешествие по Европе. Он посетил Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию, Англию и в сентябре 1790 г. возвратился на родину. По возвращении свои дневниковые записи о путешествии он опубликовал в виде «Писем русского путешественника» вначале в журналах, а затем отдельным изданием (1797, 1801 гг.). Последний текст был положен в «основу издания книги в советское время (М.: Советская Россия, 1983). Однако в нем ставшая знаменитой его фраза «Воруют!» отсутствует.

В Интернете есть еще одна версия карамзинской оценки особенности преступности в современных СМИ России. «Согласно князю Петру Алексеевичу Вяземскому, автору “Старых записных книжек”, Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: “*крадут*”²⁷. В постсоветское время эти «Записки» были изданы²⁸, однако такой информации там мы не обнаружили.

Справедливости ради надо отметить, что ничего нового для России с карамзинских времен относительно массовости такого явления, как воровство, не произошло. Последнее как было до того «родимым пятном» власть имущих, так и осталось. Например, очень жестоко, хотя, увы, и безуспешно, боролся с язвой казнокрадства и взяточничества Петр I. Не щадил он даже высших чиновников, в том числе из своего ближайшего окружения. За эти преступления сибирский генерал-губернатор князь Гагарин был повешен, петербургский вице-губернатор Корсаков был подвергнут пытке и публично высечен кнутом (такому же наказанию подверглись два сенатора), вице-канцлер барон Шафиров «был снят с плахи» и отправлен в ссылку²⁹. Крупнейший отечественный историк досоветского периода С. М. Соловьев описывает следующий случай: «... император, слушая в Сенате дело о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: “Напиши именной указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен”. “Государь, – отвечал Ягужинский, – неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Мы все ворует, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой”. Петр рассмеялся и ничего не сказал на это»³⁰.

В конце 1790-х гг. Карамзин оставляет «чисто» литературную деятельность и обращается к истории, а конкретно к написанию многотомной истории России. По решению императора Александра I он получил официальное звание историографа и материальные возможности (пенсию) для осуществления этой задачи. Свой труд он озаглавил как «*История государства Российского*». Работе над ней Карамзин посвятил двадцать два года. Он написал одиннадцать томов и часть двенадцатого, доведя изложение до 1611 г. – до времен борьбы русского народа против польской интервенции. В 1816–1817 гг. были опубликованы восемь томов, в 1821 г. – девятый том, в 1824 г. – десятый и одиннадцатый тома, а в 1829 г. (уже посмертно) – том двенадцатый.

«История государства Российского» – это не только труд автора, который «числится» по жанру исторической науки (и даже по справедливости считается хронологически первым в

²⁵ См.: Зоценко М. Собр. соч.: в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 179.

²⁶ Довлатов С. Д. Чемодан. М.: Московский рабочий, 1991. 338 с.

²⁷ См.: Душечко К. История знаменитых цитат. М.: КоЛибри, 2018. 704 с.

²⁸ См.: Вяземский П. А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. 372 с.

²⁹ См.: Ключевский В. О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. С. 201.

³⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 2004. С. 404.

российской историографии). Это по своим художественным достоинствам еще и выдающееся литературное произведение. Именно так его оценили знаменитые современники по писательскому мастерству. Так, А. Бестужев-Марлинский, рецензируя последние прижизненные тома «Истории...» (десятый и одиннадцатый) как явление «исторической прозы», писал: «Смело можно сказать, что в литературном отношении мы нашли в них клад. Там видим мы свежесть и силу слога, заманчивость рассказа и разнообразие в складе и звучности оборотов языка, столь послушного под рукою истинного дарования»³¹. Это – оценка представителя романтического направления, впоследствии отвергнутого самим (!) Белинским. Но есть для нас и более авторитетное свидетельство – А. С. Пушкина. Правда, считается, что в ранней молодости им была сочинена эпиграмма на «Историю...» Карамзина:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья –
И прелести кнута³².

Однако и тогда поэт не отрицал значительных художественных достоинств карамзинской «Истории...». В зрелом же возрасте (в 1826 г.) он вспоминал: «Это было в феврале 1818 г. Первые восемь томов *Русской истории* Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постели (Пушкин, как известно, был в это время болен. – А. Н.) с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего не ожидал и сам Карамзин) – пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свете, толки были во всей силе... Повторяю, что “История государства Российского” есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». При этом поэт отказался от авторства эпиграммы: «Мне приписали одну из лучших российских эпиграмм: это не лучшая черта моей жизни»³³.

Наконец, мнение Льва Толстого о художественных достоинствах карамзинской «Истории...». Тот, с детства знакомый с ее содержанием, в 25 лет прочитал ее снова, что нашло отражение в его дневниках (в записи от 16–18 декабря 1853 г.): «...слог очень хорош. Предисловие вызвало во мне пропасть хороших мыслей»³⁴.

Ну а как с отражением на страницах «Истории...» преступности, в особенности в ее самых жестоких проявлениях? Карамзин – историк, и добросовестно описывал события, дошедшие в летописях и народных сказаниях. Конечно же, это был (говоря по-современному) жесточайший геноцид русского народа татаро-монгольской Ордой, совершаемый в том числе и с помощью «своих», т. е. русских же князей, не просто послушно исполнявших волю завоевателей, но даже показывавших образцы такой жестокости. Так, например, в главе VII тома IV «Истории...» сообщается: «Наследник Константина Борисовича Ростовского, умершего в Орде, сын его Василий (в 1316 г.) приехал от Хана в столицу свою с двумя монгольскими вельможами, коих грабительство и насилие остались в ней надолго памятными. Такие разбойники назывались обыкновенно *послами* (вот каковы корни будущей дипломатической службы. – А.

³¹ Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: в 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 552.

³² Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 69.

³³ Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 238–239.

³⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 46. С. 200–209.

Н.). Один из них (в 1318 г.), убив в Костроме 120 человек, опустошил Ростов огнем и мечом, взял сокровища церковные, пленил многих людей»³⁵.

Отражением же вершины жестокости, однако, явилось изображение Карамзиным царствования Ивана Грозного. В совсем недавние 90-е гг. прошедшего века, уже в постсоветское время, произошло такое событие (широко отражаемое на телевидении и СМИ), как поиск наших предков, которые бы смогли претендовать на титул «Имя России». Так вот одним из таковых был Иван Грозный. Обратимся же к характеристике его личности и проявлению в «Истории...» Карамзина. Вот, например, эпизод, связанный с описанием действий опричников, ведомых лично царем: «... В июле месяце, 1568 года, в полночь, любимцы Иоанновы, Князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Василий Грязной, с Царскою дружиною вломилась в дома ко многим знатным людям, Дьякам, купцам: взяли их жен, известных красотою и вывезли из города. В след за ними, по восхождении солнца, выехал и сам Иоанн, окруженный тысячами Кромешников. На первом ночлеге ему представили жен: он избрал некоторых для себя. Других уступил любимцам. Ездил с ними вокруг Москвы, жег усадьбы бояр опальных, казнил их верных слуг... возвратился в Москву и велел ночью развезти жен по домам: некоторые из них умерли от стыда и горести»³⁶.

Но и это не предел царской жестокости. Таковым можно назвать «суд» Иоанна над новгородцами. «Судил Иоанн и сын его таким образом: ежедневно представляли им от пяти сот до тысячи и более Новгородцев; били их, мучили, жгли каким-то составом огненным, привязывали головою или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не мерзнет зимою, и бросали с моста в воду целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами. Ратники Московские ездили на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами: кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части. Сии убийства продолжались пять недель и заключились грабежом общим...»³⁷

Сторонники превращения имени Ивана Грозного в символ мудрого государя (которого, по видимому, так не хватало во времена проводимого конкурса) именуют его «собирателем» земли Русской, создавшим мощное государство, с которым вынуждены были считаться и на Западе, и на Востоке, а все описанное Карамзиным назвали его выдумкой и очернением личности «великого Государя».

А. С. Пушкин³⁸

Вольнолюбивая послелицейская лирика поэта, воспринятая властями как революционная

Проблема преступления и наказания в творчестве нашего самого великого поэта нашла отражение в его ранней вольнолюбивой поэзии, выражавшей отношение к самодержавной власти, пониманию ее пределов и ограничений, в том числе проявляющихся в мятеже или бунте.

Известно, что оценка политических идеалов Пушкина исследователями его творчества не является однозначной. Можно сказать, что существует целый спектр таких оценок. Среди них есть и диаметрально противоположные. Так, с одной стороны, по мнению В. А. Жуковского, «Пушкин... решительно был (Жуковский оговаривает, что его слова относятся к последним дням жизни поэта. – А. Н.) утвержден в необходимости для России чистого, неограничен-

³⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга первая. Т. I–IV. М.: Книга, 1988. С. 118.

³⁶ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 62.

³⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 87.

³⁸ Об изложении пушкинского содержания преступного сюжета см. подробнее: Наумов А. В. Посмертно подсудимый. М., 1992. С. 278–325; Он же. Посмертно подсудимый. М.: РИПОЛ классик, 2011. С. 318–413.

ного самодержавия, и это не по одной любви к нынешнему государю, а по-своему внутреннему убеждению, основанному на фактах исторических...»³⁹ С другой стороны, он признается не просто революционером, а даже идеологом «мужицкой революции» (Л. Войтоловский)⁴⁰. В промежутках этих крайностей оценка политико-государственных взглядов поэта также распадается на гамму оттенков. К ним относят, например, то его приверженность к конституционной монархии, то, напротив, признают его роль идеолога декабристского движения, то считают его выразителем интересов либерального дворянства. Следует отметить, что, несмотря на всю противоречивость этих оценок политического мировоззрения Пушкина, следы каждой из них так или иначе можно отыскать в фактах его биографии и творчестве. Более того, эти взгляды не были ни однозначны, ни неизменны.

Возьмем лицейский период его жизни. Шестнадцатилетним лицеистом опубликовано стихотворение «*Лицинию*», написанное под влиянием сатиры Ювенала в виде монолога республиканца-демократа, покидающего в негодовании «развратный Рим». В соответствии с этим такие выражения, встречающиеся в стихотворении, как «Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу» и «Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода», следует понимать как согласие автора с республиканской формой правления. Однако в написанном в то же время «*Наполеоне на Эльбе*» поэт высказывает сочувствие «законным царям», а спустя год воспекает в качестве героя того, кто «мстил за лилии Бурбона» («Принцу Оранскому»), т. е. в споре за власть «законных» самодержцев (Бурбоны) и «незаконных» (Наполеон) высказывал симпатии первым.

Таким образом, республиканские идеи стихотворения «*Лицинию*» вполне уживались с признанием «законно» – монархических династий («*Наполеон на Эльбе*» и «*Принцу Оранскому*»).

В период после окончания лицея и до первой (кишиневской) ссылки политические и государственно-правовые взгляды Пушкина больше всего отразились в его стихах, ноэлях и эпиграммах: «*Вольность*» (1817), «*К Чаадаеву*», «*Ура! В Россию скачет...*», «*На Карамзина*» (1818), «*Деревня*», «*Мы добрых граждан позабавим*» (1819). Первое место среди них, конечно же, принадлежит оде «*Вольность*». Следует согласиться с Вс. Н. Ивановым, считавшим, что «поэт в начало своей оды “Вольность” вмонтировал в нескольких стихах целую теорию государственного права свободного европейского государства»⁴¹. Ода «*Вольность*» по праву считается одной из вершин русской политической лирики, оказавшей огромное влияние на развитие декабристского движения. Арзамасец Ф. Вигель так рассказывает в своих «*Записках*» об обстоятельствах написания этой оды: «Из людей, которые были его старше, всего чаще посещал Пушкин братьев Тургеневых, они жили на Фонтанке, прямо против Михайловского замка, что ныне Инженерный, и к ним, т. е. к меньшему, Николаю, собирались нередко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в открытое окно на пустой тогда, забвенно брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи... С проворством вдруг вскочил он на большой и длинный стол, стоявший перед окном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать... Окончив, показал стихи, и, не знаю почему, назвали их “Одой на свободу”»⁴².

Не верить воспоминаниям Вигеля у нас нет оснований. Поэтому за исходный момент своих рассуждений возьмем два его свидетельства. Во-первых, то, что написание оды связано с братьями Тургеневыми. Известно, что особое влияние на поэта имел Н. И. Тургенев, с которым он сблизился, по всей видимости, в «Арзамасе». Н. И. Тургенев, как и видные участники пред-

³⁹ В. А. Жуковский – критик. М., 1985. С. 259.

⁴⁰ Литературное наследство. № 16–18. М., 1934. С. 33.

⁴¹ Иванов Вс. Н. Александр Пушкин и его время. М., 1977. С. 75.

⁴² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 225.

декабристских политических организаций М. Орлов и Н. Муравьев, был принят в это общество в 1817 г., уже после вступления в него юного поэта. «Арзамас» представлял для них не столько литературный интерес, сколько возможность использовать его как средство политической пропаганды. Конечно же, общество Карамзина, Батюшкова, Жуковского не годилось для этого. Тем не менее новые его члены пытались преобразить общество из чисто литературного в литературно-политическое. Н. И. Тургенев в своем дневнике сделал 29 сентября 1817 г. следующую запись: «Третьего дня был у нас Арзамас. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласилось в необходимости уничтожения рабства». Вполне возможно, что на этом заседании присутствовал и Пушкин.

Н. И. Тургенев в пору написания Пушкиным своей оды был помощником статс-секретаря Государственного совета, а в 1819 г. служил в Министерстве финансов. В 1818 г. издал книгу «Опыт теории налогов», в связи с чем его можно считать основоположником русской финансовой науки. Настойчиво выступал за ликвидацию крепостного права при сохранении земли у помещиков, за применение вольнонаемного труда в помещичьем хозяйстве. В 1818 г. вступил в «Союз благоденствия» и стал одним из его идеологов. Проповедовал республиканские формы правления. Являлся одним из основателей Северного тайного общества. В 1824 г. уехал за границу и в восстании 14 декабря 1825 г. не участвовал. Тем не менее заочно был приговорен к пожизненной каторге. По характеру (в отличие от своего старшего брата Александра) был резок, насмешлив, нетерпим к тем, кто не разделял исповедуемые им взгляды, требовал от людей бескомпромиссности. На поэзию смотрел свысока, допуская исключения лишь для агитационно-политической лирики, что старался внушить и Пушкину⁴³. Несомненно, содержание пушкинской оды (особенно первых ее строк) свидетельствует о том, что Тургеневу во многом это удалось. В начале оды поэт демонстративно отказывается от темы любви в пользу вольнолюбивой Музы:

Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Теперь о Михайловском (Инженерном) замке. Это было место, где Павел I пытался оградить себя от возможных покушений и где, тем не менее, он и был убит заговорщиками. В оде сцена убийства достигает едва ли не документальной точности:

Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.
Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

⁴³ См.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1982. С. 38.

И совсем не случайно на фоне строки рукописи «погиб увенчанный злодей» Пушкин нарисовал Павла I.

Конечно же, читатели разошедшейся в рукописных списках пушкинской оды отчетливо представляли себе описанные в ней яркие страницы недавней отечественной истории, связанные с убийством тирана-императора. Однако в пропагандистском плане на революционно настроенную часть дворянского общества больше всего действовали другие строки оды:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

В литературоведении эта пушкинская строка понимается по-разному. Так, Д. Д. Благой считал, что слова «восстаньте, падшие рабы!» у Пушкина вовсе не означали призыва к восстанию крепостных. Например, стихотворение «Восстань, о Греция, восстань» было написано уже после завоевания ею своей независимости, и, следовательно, поэту незачем было призывать к восстанию⁴⁴. Действительно, слово «восстань» во втором стихотворении употреблено поэтом в значении «встать», «воспрянуть», «воскреснуть». Соглашаясь с этим, В. В. Кулешов все же считает, что в оде «Вольность» слово «восстаньте» употреблено применительно к рабам и имеет тот смысл, что они должны отомстить тиранам, подняться на борьбу. Поэтому, считает В. Кулешов, в оде и употреблен стих «Тираны мира! Трепещите!»⁴⁵. Нам думается, что сравниваемые позиции не столь уж далеки друг от друга и что вторая лишь дополняет и конкретизирует первую. Если (исходя из позиции Благого) рабы (крепостные) проснутся и осознают свое право, то тиранам действительно придется «трепетать», и в конечном счете призыв пробудиться и осознать свои права означает призыв отомстить тиранам и подняться на борьбу против них за те же свои права. Кстати сказать, власти так и восприняли смысл этой оды, и не случайно ее написание послужило едва ли не главным поводом для ссылки поэта на юг.

Основное же государственно-правовое кредо молодого поэта было выражено в строках оды, в которых высказаны взгляды Пушкина на соотношение власти и закона, вольности и закона:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...
Владыки! вам венец и трон
Дает закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!..
И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.

⁴⁴ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. М., 1950. Т. 1. С. 164.

⁴⁵ Кулешов В. Жизнь и творчество А. С. Пушкина. М., 1987. С. 62.

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

В контексте этих строк и следует толковать всю оду в целом. Очевидно, что Пушкин призывал в оде не к свержению самодержавия, а к его ограничению. И в первую очередь ограничению законом. Его должны соблюдать все – и цари, и народы. Людовик XVI нарушил закон и поэтому был казнен. Но пришедшие к власти также нарушили закон, введя якобинский террор, и это вновь принесло народам порабощение – диктатуру Наполеона, провозгласившего себя императором («злодейская порфира на галлах скованных лежит»). В связи с этим поэт вновь предрекает гибель тирану, поправшему закон:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою гибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.

Все это позволяет предположить, что государственно-правовым идеалом Пушкина и в то время была не республика, а конституционная монархия. Именно так толковали государственно-политические взгляды поэта философы Г. Федотов⁴⁶ и С. Франк⁴⁷. Исторически такая форма правления буржуазного государства возникает там, где буржуазия еще недостаточно сильна, чтобы господствовать безраздельно, и поэтому вынуждена идти на компромисс с земельной аристократией и разделять с ней власть (разумеется, что появление «сегодняшних» конституционных монархий не всегда может вписываться в подобное объяснение причин создания таких форм правления государства). Конечно же, социально-политическим условиям России первой половины XIX столетия в большей степени отвечала именно конституционная монархия, а не республика. И государственно-правовые взгляды Пушкина относительно форм правления и государственного устройства, выраженные им в оде, являлись свидетельством того, что эти вопросы молодой поэт понимал вполне с позиций историзма.

Идеями конституционной монархии проникнуты и сатирические «Сказки», в которых обещания Александра I («кочующего деспота») ограничить свою власть законом и дать людям «права людей, по царской милости моей» названы именно сказками. В этом смысле следует понимать и заключительные строки пушкинского послания «К Чаадаеву»:

И на обломках самовластья
Напишут ваши имена!

Здесь так же, как и в приписываемой Пушкину эпиграмме «На Карамзина» («Необходимость самовластья»), под самовластьем понимается самодержавие как неограниченная монархия.

На этих же идейных основах построена и насквозь антикрепостническая «Деревня». Это и констатация происходящего в России («Здесь барство дикое, без чувства, без закона...»), и мечты поэта («Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя...»).

Все эти вольнолюбивые антикрепостнические стихи были написаны в пору тесного общения поэта с активными участниками преддекабристских и будущих декабристских обществ (и

⁴⁶ См.: Федотов Г. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 369.

⁴⁷ См.: Франк С. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. С. 400.

не только с Н. И. Тургеневым, но и И. Д. Якушкиным, Н. М. Муравьевым и др.). Пушкин, конечно же, подозревал о существовании тайных политических обществ и о том, что их участниками являются, например, Н. И. Тургенев и его близкий лицейский друг И. И. Пущин. В своих мемуарных записках Пущин описал это следующим образом: «Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собирались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут, между прочим, были Куницын и наш лицейский товарищ Маслов. Мы сидели кругом большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь – Пушкин! “Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле”, – шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним; подали чай, мы закурили сигаретки и сели в уголок.

”Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество? Я совершенно случайно зашел сюда, гуляя в Летнем саду, пожалуйста, не секретничай; право, любезный друг, это ни на что не похоже”». Пущин в то время не открылся своему другу. Тем не менее Пушкин все это отчетливо представлял и через десять лет в десятой главе «Евгения Онегина» описал сходки членов тайного общества:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

.....
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал...

И хотя Пушкин не являлся членом Петербургского тайного общества, он по праву нарисовал себя в числе участников сходки, так как именно вольнолюбивые стихи поэта наиболее ярко выражали политические идеалы революционно настроенной передовой части дворянского общества – членов тайных обществ. Не случайно уже в 1826 г. во время судебного следствия над декабристами Жуковский писал Пушкину в Михайловское, что «в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои». Да и фактически чтение Пушкиным своих «ноэлей» будущим декабристам не было отступлением от истины, так как все это вполне могло быть на заседании «Зеленой лампы» – легального литературного филиала «Союза благоденствия». По этой же причине представляется необоснованным упрек Н. Л. Бродского автору «Евгения Онегина» в том, что тот сделал «осторожного Илью», т. е. И. А. Долгорукова, членом Северного общества, в действительности таковым не являвшегося⁴⁸. Однако Ю. М. Лотман, опираясь на показания декабриста И. Н. Горсткіна, данные тем на следствии по делу декабристов, справедливо пришел к выводу, что приводимая строфа десятой главы относится не к заседанию Северного общества, а к собраниям менее конспиративного «Союза благоденствия»⁴⁹, на которых в соответствии с показаниями Горсткіна бывал и И. Долгоруков, а Пушкин также мог читать

⁴⁸ Бродский Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. М., 1950. С. 374.

⁴⁹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 407.

там свои «ноэли». В кишиневском изгнании Пушкин, как отмечалось, дружески общался с членами тайного общества М. Ф. Орловым, В. Ф. Раевским («первым декабристом»), К. А. Охотниковым, П. С. Пузиным. Весной 1821 г. он познакомился с руководителем Южного тайного общества Пестелем. Об этом 9 апреля поэт сделал запись в своем дневнике: «Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» Со многими видными участниками Южного общества Пушкин встречался в Каменке – имении декабриста В. Л. Давыдова в Киевской губернии. Например, в ноябре 1820 г. он присутствовал там на собрании членов тайного общества, на котором велись разговоры об испанской и неаполитанской революциях, о военном перевороте в Португалии, о перспективах революционного движения в России. Содержание этих бесед отражено в строках пушкинского стихотворного послания «В. Л. Давыдову», написанного в апреле 1821 г.:

И за здоровье *тех* и *той*
 До дна до капли допивали!
 Но *те* в Неаполе шалят,
 А *та* едва ли там воскреснет.

На условном языке декабристов «те» – это итальянские карбонарии, неаполитанские революционеры, а «та» – политическая свобода. Несомненно, Пушкин надеялся, что будет принят в общество, о существовании которого он давно догадывался. Так, И. Якушкин в своих воспоминаниях рассказал о следующем эпизоде: «...Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились... сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к тайному обществу или нет... В последний... вечер пребывания нашего в Каменке... Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение тайного общества в России?.. Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую бы могло принести тайное общество России... Я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование тайного общества... Раевский стал мне доказывать противное... В ответ на его выходку я ему сказал: мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы? – ”Напротив, наверное бы присоединился”, – отвечал он. – В таком случае давайте руку, – сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: разумеется, все это только шутка. Другие также смеялись, кроме А.Л... и Пушкина, который был очень взволнован; он перед тем убедился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: “Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка“. В эту минуту он был точно прекрасен»⁵⁰. Причинами того, что поэт не был принят ни в Северное, ни в Южное общество, были и раскованность и откровенность, с которыми он вел разговоры и не скрывал своих вольнолюбивых настроений, и опасения руководителей декабристского движения за судьбу самого поэта в случае неудачи. Много лет спустя С. Волконский, которому было поручено в свое время принять Пушкина в тайное общество, признавался: «Как мне решиться было на это... когда ему могла угрожать плаха».

Следует отметить, что южная ссылка, проходившая на фоне тесного общения с членами тайного общества, революционных событий в Европе (Италия, Греция, Португалия), была пиком революционных настроений поэта, что весьма ощутимо отразилось в его творчестве того периода. Особенно это заметно в содержании стихотворения «*Кинжал*», в котором про-

⁵⁰ Декабристы. Избр. соч.: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 413–414.

славлялась идея расправы с тиранами и деспотами путем убийства (т. е. как раз то, что часто обсуждалось в Северном и Южном тайных обществах):

Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Не случайно текст именно этого стихотворения вошел в дело следственной комиссии, созданной по приказу Николая I сразу же после восстания 14 декабря 1825 г. Как отмечал С. Франк, «кишиневская эпоха» есть, может быть, единственный период жизни Пушкина, когда он склонялся к политическому радикализму. Однако, по его мнению, «политические идеалы Пушкина и в эту эпоху не идут далее требования конституционной монархии, обеспечивающей свободу, правовой порядок и просвещение»⁵¹.

Интерес Пушкина к психологическому содержанию преступления

Идеи законности и правосудия не просто нашли отражение в творчестве Пушкина, но занимают в нем важное место. Как писателя его интересовало и психологическое содержание преступного деяния, накал человеческих страстей, выразившихся в нем, мотивация такого поведения. Не последнее место в этом отношении занимали проблемы преступлений, совершенных из бедности или даже нищеты, что впервые нашло свое отражение в одной из ранних пушкинских поэм «*Братья разбойники*». Исходным моментом сюжета поэмы является история жизни крестьян, ставших разбойниками от крайней бедности. При этом поэт дает верные картины и нравов преступной среды («Тот их, кто с каменной душой прошел все степени злодейства... кого убийство веселит, как юношу любви свиданье»), и исполнения тюремного заключения («По улицам однажды мы, в цепях, для городской тюрьмы собирали вместе подаянье» – чуть ли не комментарием к этим скупым поэтическим строчкам являются соответствующие сцены из «Записок из Мертвого дома» Достоевского).

Некоторые читатели, в том числе и близкие друзья поэта, усомнились в реальности одного из центральных эпизодов поэмы: братья-разбойники, скованные цепями, сумели убежать, переплыв реку. П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 31 мая 1823 г. писал по этому поводу: «Я благодарил его (Пушкина. – А. Н.) и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать с кандалами на руках»⁵². Много позже в статье «Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения» (при жизни автора не опубликованные) Пушкин свидетельствует о реальной подоплеке рассматриваемых им в поэме событий: «Не помню кто заметил мне, что невероятно, чтоб скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Все это происшествие справедливо и случилось в 1820 г., в бытность мою в Екатеринославе». Следует отметить, что подобный сюжет с его пенитенциарно-правовой основой поэт считал весьма характерным для России первой четверти XIX в. 13 июня 1823 г. он писал А. Бестужеву, издававшему вместе с Рылеевым альманах «Полярная звезда»: «"Разбойников" я сжег – и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог – не испугают нежных ушей читательниц "Полярной звезды", то напечатай его». Чуть позже таким же образом Пушкин ответил и самому Вяземскому на его замечания. В своем письме от 11 ноября 1823 г. поэт писал: «Вот тебе и "Разбойники". Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на острове, потопление одного из стражей мною не выдуманы».

⁵¹ Франк С. Указ. соч.

⁵² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 327.

Не мог не занимать Пушкина как поэта (да и как человека) и мотив ревности. В качестве побудительной причины преступления (чаще всего убийства) оно было для поэта свидетельством крайнего проявления ревности, выражением нравственных пределов человеческих поступков, исходящих из этого мотива. В особенности это характерно для ранней поэзии Пушкина, ее романтического направления («Бахчисарайский фонтан», «Цыганы»). Важно заметить, что для Пушкина любовь всегда сильнее преступления, и поэтому преступление (убийство) из ревности по сути дела бессмысленно даже с точки зрения самого преступника. Довольно ярко, например, это проявляется в «Цыганах»:

Земфира: Нет, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная...
Алеко: Умри ж и ты!
Земфира: Умру любя.

Можно сказать, что для Пушкина существуют два уровня ревности. Во-первых, ревность-любовь, ревность как едва ли не неизбежный спутник любви (вряд ли наступит когда-то такое время, когда, например, человек сможет оставаться равнодушным к тому, что его оставляет любимый, это было бы лишь грубым упрощением таких отношений). В своем письме к жене от 12 мая 1834 г. поэт писал: «...мой ангел! Конечно же, я не стану беспокоиться от того, что ты три дня пропустишь без письма, так точно, как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом. Из этого еще не следует, что я равнодушен и не ревнив». Иная ревность (по Пушкину) выражается в преступлении. Здесь ревность обычно связывается с мстостью за то, что обожаемый объект не отвечает тем же («Умри ж и ты!»). И в этом случае пушкинская позиция весьма близка и к современной трактовке в отечественной уголовно-правовой науке и судебной практике социально-психологического содержания ревности как мотива преступления (сюжеты бессмертных творений пушкинской поэзии и прозы сближаются с содержанием уголовных дел об убийстве из ревности в наши дни).

По действующему уголовному законодательству (в отличие, например, от УК РСФСР 1926 г.) убийство из ревности, например, не признается убийством при отягчающих обстоятельствах и квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ (разумеется, при отсутствии других квалифицирующих обстоятельств). При определенных обстоятельствах (например, когда убийство совершено в состоянии сильного душевного волнения, возникшего у виновного внезапно в результате того, что тот стал свидетелем факта супружеской измены) судебная практика справедливо квалифицирует такое убийство по ст. 107 УК РФ как убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах. Позиция действующих уголовных кодексов в оценке социальной опасности ревности как мотива убийства вполне справедлива. Ревность возникает чаще всего на почве взаимоотношений между близкими людьми, она всегда направлена на конкретных лиц. Поэтому лично-интимный оттенок ревности не может не снижать степень совершенного на ее почве убийства по сравнению, например, с убийством из корысти. В этом смысле и для Пушкина ревность как побудительная причина преступления, вызванная крайним накалом эмоций, выступала обстоятельством, снижающим опасность преступления и преступника, в том числе и убийства:

Давно грузинки нет; она гарема стражами немymi
В пучину вод опущена. В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и ее страданье. Какая б ни была вина, Ужасно было
наказанье!
Бахчисарайский фонтан

Пушкину, много путешествовавшему по Крыму и Кавказу, был интересен и мотив кровной мести. С одной стороны, он не мог не признавать высокого эмоционального содержания этого мотива (так сказать, высоких страстей), с другой – он отчетливо видел в нем крайнее проявление тысячелетних предрассудков. И то и другое отчетливо выражено им в «Тазите»:

Отец:

Ты долга крови не забыл!
Где ж голова? Подай... нет сил...

Сын:

Убийца был
Один, изранен, безоружен...

Видимо, не случайно закон кровной мести связывается со старшим поколением, а его отрицание – с младшим. Поэт уверен, что развитие цивилизации приведет к исчезновению преступлений, совершенных по этому мотиву.

С оценкой мотивов преступлений тесно соприкасается и этическая сторона проблемы преступного поведения в целом. Человеческая мораль отрицает преступление и преступника. В «Цыганах» в ответ на убийство Земфиры старый цыган говорит Алеко:

Оставь нас, гордый человек!
Мы дики: нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим...

В контексте нравственного неприятия преступления следует трактовать и пушкинское «гений и злодейство – две вещи несовместные» («Моцарт и Сальери»). Пушкин в принципе исключает нравственное оправдание преступления. В настоящее время известно, что не существует данных, которые бы подтверждали версию об отравлении Моцарта Сальери. Однако для нас важно, почему Пушкин избрал в качестве сюжета именно этот вариант объяснения смерти Моцарта. Разумеется, на него не могло не воздействовать широко распространенное в 1824–1825 гг. в немецких и французских журналах известие о том, что Сальери на смертном одре признался в отравлении Моцарта (друзья Сальери выступали против этого как клеветы).

Однако для нас гораздо важнее другое обстоятельство, проливающее свет на творческую историю формирования пушкинского замысла. В бумагах поэта сохранилась следующая его заметка: «В первое представление “Дон Жуана”, в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист – все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из зала, в бешенстве, снедаемый завистью... Завистник, который мог освистать “Дон-Жуана”, мог отравить и его творца». Пушкин согласился с распространенным в его время объяснением смерти Моцарта не столько в силу веры в эти противоречивые слухи, сколько в связи с присущим ему этическим подходом к оценке преступного поведения и его мотивов.

«Пиковая дама» – триллер или не триллер?

Дм. Быков однозначно отвечает на этот вопрос: «“Пиковая дама” – первый русский триллер. И это очень не простое сочинение, относительно которого у самого Пушкина не было определенного мнения. Он высказывается об этой вещи как о безделке – и вместе с тем чрез-

вычайно гордился ее успехом. В разговоре с ближайшим своим другом Павлом Воиновичем Нащекиным называл ее самой большой своей прозаической удачей...»⁵³. Но что такое триллер? Если взять современные энциклопедическо-словарные или интернетовские толкования понятия «триллер», то оно означает детективно-приключенческий фильм (чаще всего) или книгу, держащие (зрителя, читателя) в напряженности, страхе, ужасе⁵⁴. И тем не менее мы думаем, что, несмотря на остросюжетность пушкинской повести, все-таки «ужасов» (к которым мы привыкли в современном кино) в ней недостает. Элементов загадочности, нереальности, фантастики немало. Для современного бестселлера такого вполне хватает. А вот насчет ужаса и доведения читателя до состояния страха – как-то с этим слабовато. Хотя «преступно-сюжетная», т. е. уголовно-правовая, оценка действий героя повести совсем не проста. Поняв, что старуха-графиня не откроет ему желанную тайну «трех карт» (т. е. сделает его богатым), он поступает следующим образом:

*«– Старая ведьма! – сказал он, стиснув зубы, – так я ж заставлю тебя отвечать...
С этим словом он вынул из кармана пистолет.*

При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Она закивала головою и подняла руку, как бы заслонялась от выстрела... Потом покатила навзничь... и осталась недвижима.

– Перестаньте ребячиться, – сказал Германн, взяв ее руку. – Спрашиваю последний раз: хотите ли назначить мне ваши три карты? Да или нет?

Графиня не отвечала. Германн увидел, что она умерла».

Лизавете Ивановне Германн так объяснил случившееся:

«– Я не хотел ее смерти... Пистолет мой не заряжен».

Но вот что чувствовал он, когда «решил явиться на похороны, чтоб испросить у ней (умершей графини. – А. Н.) прощение»:

«Не чувствуя раскаяния, он не мог, однако, совершенно заглушить голос совести, твердивший ему: ты убийца старухи!»

И в этом самооценка его действий была вполне адекватна их уголовно-правовой оценке. Да, пистолет Германна не был заряжен. Но он и не хотел смерти старухи. Последнее не входило в его планы. Ему нужна была живая старуха, способная «осчастливить» его сообщением карточной тайны – набором карт («тройка», «семерка», «туз»), которые должны были принести ему и выигрыш, и богатство. Но именно его действия стали причиной смерти обладательницы этой карточной тайны. И он (с позиции как сегодняшнего уголовного закона, так и пушкинских времен) виновен в неосторожном причинении смерти человеку. Дело в том, что и Соборное уложение 1649 г., и Воинский артикул Петра I (1715 г.), как источники уголовного права, т. е. входящие в Полное собрание законов Российской Империи (опубликованное в 1830 г. и действовавшее до 1 января 1835 г. – до вступления в силу Свода законов уголовных как составной части Свода законов Российской Империи), а «Пиковая дама» была написана в 1833 г., предусматривали уголовную ответственность не только за умышленные преступления, но и неосторожные, и исключали ее только за случай, т. е., выражаясь по-современному, – за невиновное причинение вреда.

В литературоведении иногда убийство Германном старухи-графини называют определенным совпадением с убийством старухи-процентщицы и ее сестры, совершенным Раскольниковым в «Преступлении и наказании». Однако последний, в отличие от Германна, хотел убить и действительно осуществил свое намерение. Другое дело, что в самой «Пиковой даме» один из ее персонажей, Томский, дает Германну следующую характеристику: «У него профиль Напо-

⁵³ Быков Дм. Русская литература: страсть и власть. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 87.

⁵⁴ См., например: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

леона, а душа Мефистофеля». И в этом плане сравнение пушкинского героя с Наполеоном напрашивается само собой. Дм. Быков в пользу этого приводит два заслуживающих внимания довода. Во-первых, то, что «он легко перешагивает через Лизу», и, во-вторых, то, что «смерть графини не вызывает у него ни малейших угрызений совести».

«Евгений Онегин» глазами криминалиста

Немало любопытного криминалист найдет, например, в «Евгении Онегине». Перечитывая роман, он в силу своих профессиональных представлений не может не обратить внимания на два следующих момента – дуэль Онегина и Ленского⁵⁵ и мотив клеветы. В отношении дуэли неюрист может при этом спросить: что же здесь криминального? Были дворянские представления о чести и способах ее защиты. В соответствии с этим противники и стрелялись. Все честно и по правилам. Однако у криминалиста есть свое специфическое профессиональное видение вопроса, где событие предстает в ином свете. Онегин убил Ленского на дуэли. В сущности, совершилось одно из самых тяжких уголовных преступлений. Оба дуэлянта, если они оставались в живых, должны были быть повешены по приговору суда. Тогда же, когда они оба убиты на дуэли (или один из них), то их предполагалось «и по смерти за ноги повесить» по действовавшим тогда уголовным законам (в первую очередь по Воинским артикулам Петра I). При этом можно вспомнить, что военно-судная комиссия, рассмотрев дело о дуэли самого Пушкина и Дантеса, вынесла приговор о повешении как Дантеса, так и секунданта поэта – Данзаса, особо оговорив, что такому же «наказанию подлежал бы и... Пушкин, но как он уже умер, то суждение его за смертью прекратить...» Правда, ревизионная инстанция по делу о трагической дуэли отменила смертную казнь Дантесу и Данзасу, но тем не менее приговорила Дантеса к суровому для того времени наказанию – разжалованию в солдаты (но царь спас его и от данного наказания).

Конечно же, реальная (обычная) судебная практика вовсе не соответствовала жестокому законодательству об ответственности за дуэль. Обычно дуэлянты присуждались к мягким мерам наказания.

Как бы то ни было, но в соответствии с российским законодательством убийство Онегиным Ленского на дуэли рассматривалось как тяжкое преступление. В связи с этим в действительности было два возможных варианта развития последуэльных событий. Первый – судебный процесс по делу о дуэли. Второй – его отсутствие при удачном для главных действующих лиц сокрытии следов преступления. Последний вариант достоверно описан Лермонтовым в «Герое нашего времени». Друг Печорина доктор Вернер в своей записке ему свидетельствовал: «Все устроено как можно лучше; тело привезено обезображенным, пуля из груди вынута. Все уверены, что причиной его смерти несчастный случай; только комендант, которому, вероятно, известна ваша ссора, покачал головой, но ничего не сказал. Доказательств против вас нет никаких, и вы можете спать спокойно, если сможете...»⁵⁶.

Пушкин в «Евгении Онегине» выбрал именно второй вариант. А это означает, что дуэль и истинные причины смерти Ленского удалось скрыть от полиции и правосудия. Правда, в отличие от лермонтовской версии, пушкинская, мягко говоря, менее обоснована самим автором (по крайней мере не так тщательно и, думается, вполне намеренно). И сам поэт это, конечно, понимал. Дело в том, что в случае, если бы Онегину и секунданту Ленского Зарецкому, друзьям погибшего на дуэли – семейству Лариных и удалось бы представить смерть юного поэта в виде какого-то несчастного случая, то последний должен был быть похоронен, как и все пра-

⁵⁵ События дуэли были отражены поэтом в VI и VII главах романа. Шестая глава написана в 1826 г., а вышла в свет в 1827 г., седьмая окончена в 1828 г. и вышла в свет в 1830 г. В связи с этим взгляды поэта на эти события, как имеющие отношение к уголовному праву, рассматриваются применительно к николаевской эпохе.

⁵⁶ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. М., 1958. Т. 4. С. 139.

вославные, умершие естественной смертью, – на кладбище. Пушкин же похоронил его в другом месте:

Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
две сосны корнями срослись;
Под ними струйки извились
Ручья соседственной долины.
Там пахарь любит отдыхать,
И жницы в волны погружать
Приносят звонкие кувшины;
Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.

В седьмой главе романа автор возвращается к теме места погребения Ленского:

Меж гор, лежащих полукругом,
Пойдем туда, где ручеек,
Виясь, бежит зеленым лугом
К реке сквозь липовый песок...
Там виден камень гробовой
В тени двух сосен устарелых,
Пришельцу надпись говорит:
«Владимир Ленский здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, таких-то лет.
Покойся, юноша-поэт!»

Место захоронения Ленского есть свидетельство того, что, по мнению автора «Евгения Онегина», следы этой дуэли полностью скрыть не удалось (в отличие от печоринской), и причины смерти Ленского, видимо, стали известны местному священнику⁵⁷. И тот отказался исполнить над убитым христианский обряд отпевания. Дело в том, что по церковным канонам того времени убитые на дуэли приравнивались к самоубийцам. В России до царствования Петра I правовые последствия самоубийства регулировались только церковными законами, а начиная с Петра – и светскими. Так, например, в наставлении старостам поповским и благочинным смотрителям от святого патриарха московского Адриана в 1697 г. говорилось: «Который человек... какую смерть над собою своими руками учинит или на разбое и на воровстве убит будет: тем умерших тел у церкви Божией не погребают, и над ними отпевать не велит, а велит их класть в лесу или на поле, кроме кладбища...»⁵⁸ В дальнейшем эта санкция превратилась в уголовно-правовую и применялась в России до октября 1917 г. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г., также действовавшей до октября 1917 г.) самоубийство признавалось преступлением, и «если самоубийца принадлежал к одному из христианских вероисповеданий», он наказывался лишением христианского погребения (ст. 1472).

⁵⁷ См.: Наумов А. В. Дуэль // Онегинская энциклопедия; под общ. ред. Н. И. Михайловой. Т. I. М.: Русский путь, 1999. С. 383–384.

⁵⁸ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Ст. 1612.

Такие же посмертные последствия ожидали и погибших на дуэли: «Так, например, еще в Требнике митрополита Киевского и Галицкого Петра Могилы (1596–1647) между лицами, не подлежащими христианскому погребению, указывались наряду с самоубийцами и “на поединках умирающие”»⁵⁹.

Несмотря на абсолютный церковный и уголовно-правовой запрет дуэлей существовали особые «нормативные» (разумеется, неофициальные) правила таких поединков. Конечно же, эти правила были неписанные, так как, по справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, «никаких дуэльных кодексов в русской печати, в условиях официального запрета дуэлей, появиться не могло, не было и юридического органа, который мог бы принять на себя полномочия упорядочения правил поединка... Строгость в соблюдении правил достигалась обращением к авторитету знатоков, живых носителей традиций и арбитров в вопросах чести»⁶⁰.

В «Евгении Онегине» знатоком таких дуэльных традиций выступает Зарецкий («старый дуэлист»):

В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял – ни как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства...

При этом автор романа психологически убедительно обосновал и поведение Онегина, согласившегося на жесткие условия дуэли, выработанные Зарецким, и на допущение кровавой развязки. Конечно же, внутренне он не только не хотел убивать юного поэта, но и, сознавая небезупречность своего поведения на балу у Лариных, вообще не предполагал драться на дуэли:

...Евгений
Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.

И все-таки он вышел на поединок и убил своего друга. И Пушкин убедительно обосновал причины:

К тому ж – он мыслит – в это дело
Вмешался старый дуэлянт;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шопот, хохотня глупцов...
И вот общественное мнение!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир.

⁵⁹ См.: Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб., 1871. Т. 2. С. 408–409.

⁶⁰ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. 2-е изд. Л., 1963. Это утверждение относится к пушкинскому времени. Позднее, в конце XIX – начале XX в., когда обычай дуэлей перестал носить массовый характер даже в среде военных и он фактически был узаконен, такие дуэльные кодексы издавались (см.: Дурасов. Дуэльный кодекс. Град Св. Петра, 1908).

Именно в этом коренится психологическое обоснование «невольной» жестокости Онегина. Как справедливо отмечал Ю. М. Лотман, «поведение Онегина определялось колебаниями между естественными человеческими чувствами, которые он испытывал по отношению к Ленскому, и боязнию показаться смешным и трусливым, нарушившим условные нормы поведения, барьера»⁶¹. Онегин был человеком своего времени, своего круга, носителем определенных предрассудков и нравственных представлений о чести. Иная линия поведения сделала бы его не только смешным, но и жалким во мнении окружающих, на что он, конечно, согласиться не мог.

Внимание криминалиста не может не привлечь в поэме «Евгений Онегин» и мотив клеветы. В современном мире клевета – одно из самых гнусных преступлений, порой не только морально, но и физически убивающих человека. В уголовном законе она определяется как распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 128¹ УК РФ). По нашим подсчетам, мотив клеветы встречается в «Евгении Онегине» девять раз (согласимся, что для одного произведения это, пожалуй, слишком):

- (1) Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой *клеветы*,
Смягчая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет.
- (2) И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд *клеветника*.
- (3) Я только в скобках замечаю,
Что нет презренной *клеветы*
На чердаке вралем рожденной
И светской чернью ободренной...
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторит сто крат ошибкой.
- (4) Кто *клеветы* про вас не сеет?
- (5) И отставной советник Флянов,
Тяжелый *сплетник*, старый плут.
Обжора, взяточник и шут...
- (6) К тому ж – он мыслит – в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он *сплетник*, он речист...
- (7) Текут невинные беседы
С прикрасой легкой *клеветы*.
- (8) Все в них так бледно, равнодушно;
Они *клеветают* даже скучно...
- (9) То видит врагов забвенных,
Клеветников и трусов злых.

⁶¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 104.

О клевете либо о клеветнике автор не упоминает лишь в единственной – третьей – главе, зато в четвертой и седьмой возвращается дважды.

Представляется, что такое внимание к клевете и клеветникам для автора «Евгения Онегина» не было случайным. Дело в том, что клевета преследовала поэта с «младых» лет и стала одной из причин его безвременной кончины. Первое потрясение от клеветы он испытал в ранней молодости в 1820 г. за несколько месяцев до отъезда в свою первую ссылку. В «Летописи» М. А. Цявловский январем 1820 г. датирует следующее событие: «Пушкин “последним” узнает от Катенина о слухе, позорящем его (Пушкина) и пущенном гр. Ф. И. Толстым (чего Пушкин не знает), будто бы он был отвезен в тайную канцелярию и высечен. Пушкин дрался по этому поводу с кем-то неизвестным на дуэли, у него появляются мысли о самоубийстве, но Чаадаев доказывает ему всю несообразность этого намерения»⁶².

Это клеветническое событие подтверждается и самим поэтом в его переписке (например, письмо к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1822 г.), и в особенности его неотправленным письмом Александру I. Последнее датируется началом июля – сентябрем 1825 г. В нем, в частности, содержится следующее: «Необдуманно речи, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе, распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние; дрался на дуэли – мне было 20 лет в 1820 г. – я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить – В.».

Письмо было написано во время работы над четвертой главой «Евгения Онегина», и именно в данной главе мотив клеветы звучит особенно обостренно. Все это свидетельствует, что мотив клеветы в романе вовсе не случаен, что он отражает тогдашнее острое переживание поэтом гнусной сплетни, распространенной вокруг его имени. Разумеется, что «Евгений Онегин» был не единственным произведением, где поэт затрагивает и развивает мотив клеветы. Эти настроения поэта отразились и в его эпиграмме «В жизни мрачной и презренной» (1820), и в послании Чаадаеву (1821) и в ряде других произведений.

Отход поэта от радикальных революционных настроений (стихотворения 1821–1823 гг., «Борис Годунов», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «История Пугачева»)

После южной ссылки у Пушкина наблюдается определенный отход от революционных настроений. Известия об усилении политической реакции в России, выразившемся, например, в репрессиях, связанных с волнениями в Семеновском полку, в жестоком усмирении крестьянских восстаний, аресте В. Ф. Раевского, в удушении революций в Неаполе, Пьемонте, Испании, привели к разочарованию поэта в революционных средствах переустройства общества. Это не могло не отразиться и на его творчестве, например, в стихотворениях 1821–1823 гг. «Свободы сеятель пустынный», «В. Ф. Раевскому» («Ты прав, мой друг...»), «Мое беспечное незнание» и др.

Так, в «Послании к В. Ф. Раевскому» (1822) поэт писал:

Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

⁶² Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина (1799–1837). 2-е изд. Л., 1991. С. 197.

А в стихотворении «*Свободы сеятель пустынный*» (1823) те же настроения поэта прозвучали еще сильнее и более сатирически:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Государственно-правовой анализ неограниченного абсолютизма был выполнен Пушкиным в кишиневский период его жизни на материалах русской истории. В статье «*О русской истории XVIII века*» он дал очень точную характеристику государственно-правового механизма России эпохи Екатерины II. Поэт отмечает незаконность восшествия императрицы на престол («Взведение на престол заговором нескольких мятежников») и пытается снять «хрестоматийный» глянец с этой правительницы, выглядевшей в глазах Европы также весьма просвещенной. В этом смысле она ввела в заблуждение, например, даже Вольтера. Пушкин же предьявляет к ней как к императрице целый реестр промахов на государственной ниве. Это и доведение народа до крайней нищеты, и расхищение государственной казны ее любовниками, и «важные ошибки ее в политической экономии», и «ничтожность в законодательстве». Один из главных упреков ей – то, что «развратная государыня развратила и свое государство». Но Пушкина меньше всего занимали многочисленные романы императрицы. Под развращением государства он понимал отсутствие малой толики нравственности и честности как у приближенных к императрице, так и у чиновников среднего и низшего звена. Главной чертой характера императрицы поэт считает лицемерие, называет ее «Тартюфом в юбке» и приходит к выводу, что ее память достойна «проклятия России».

В Михайловской ссылке Пушкин вновь и вновь возвращается к вопросам государственного устройства. Например, к вопросам о пределах насилия при революционных переворотах (о «цареубийственном кинжале» Якушкина). При этом, как и при написании оды «Вольность», он обращается к опыту Великой французской революции. Особенно ярко это проявилось в элегии «*Андрей Шенье*», написанной за несколько месяцев до декабрьских событий. Андрей Шенье – французский поэт. Вначале он принимал самое решительное участие в революции, но при этом оставался в рядах умеренных, примкнув к жирондистам, а перед арестом выступил в защиту короля. Это послужило поводом к его аресту и обвинению в участии в монархическом заговоре, в результате чего он в 1794 г. был казнен накануне падения диктатуры Робеспьера. Как и в оде «Вольность», Пушкин признает, что свержение Людовика XVI было законным, так как он поправил права народа. Но его свержение и казнь привели опять к диктатуре, казням и, следовательно, к новым беззакониям:

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

После восстания декабристов эти строки вполне можно было понять как откровенный намек на недавние события на Сенатской площади. Более того, как отмечалось, стихи так многими читателями и понимались и поэтому распространялись в рукописных списках под заглавием «На 14 декабря», что и послужило поводом к жандармскому расследованию и военно-судному делу об их распространении.

Однако при рассмотрении поэтом проблемы государственной власти на протяжении михайловской ссылки наряду с уже традиционным для него выяснением соотношения власти и закона на первый план выступает проблема власти и народа, роли народа в историческом процессе, в борьбе монарха за власть, в дворцовых переворотах. Думается, что все эти вопросы волновали поэта не только в чисто практическом плане, но и в историко-теоретическом. Осмысливание причин поражения революционных сил в Западной Европе неумолимо возвращало его к спору о стратегии и тактике дворянских революционеров своего времени – членов тайных обществ. Наиболее отчетливо эти государственно-политические взгляды и раздумья поэта нашли свое отражение в художественной форме в трагедии *«Борис Годунов»*. Написана она была в Михайловском в период с декабря 1824-го по ноябрь 1825 г. Историческим фоном трагедии поэт избрал самый сложный период российской истории – события так называемого Смутного времени (начало XVII в.). Этот короткий исторический период царствования в России Бориса Годунова объединяет и смену царей, и нашествие на Русь иноземных захватчиков, и народные бунты, и восстания, и, что особенно повлияло на дальнейшее развитие Российского государства, введение крепостного права. Все это казалось Пушкину не далеким, а очень близким к жизни современной ему России. Так, прочитав X и XI тома *«Истории государства Российского»* Карамзина, в которых шла речь об этом времени, поэт писал Н. Раевскому и В. Жуковскому: «Это злободневно, как свежая газета».

Центральная идея трагедии – взаимосвязь народа и царской власти. По мнению царей, и Бориса в том числе, единственным средством удержания в узде народных масс, противостоящих царской власти, является их жестокое устрашение:

Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержатъ народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

Вместе с тем Борис понимает, что в отношении народа нельзя ограничиться только «грабежом и казнями». Это опасно, народ обязательно взбунтуется – и тогда горе самодержцу. Поэтому на смертном одре он дает советы сыну проявлять благоразумие и время от времени ослаблять «державные бразды», но ненадолго:

Я ныне должен был
Восстановить опалы,
казни – можешь
Их отменить; тебя благословят...
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды...

Однако Пушкин вносит определенный порядок в такое понимание прочности царской власти. Осмысливание хода исторического процесса и современных ему событий приводит его к мысли о том, что ни Борис, ни другой самодержец не способны удержаться у власти без поддержки народа. Годунов пал не в результате интриг бояр или поддержки самозванца польскими вооруженными отрядами. Решающей причиной его поражения было мнение народное. Народ не только не поддержал Бориса, но и выступил против, видя в нем того царя, который, отменив Юрьев день, отнял у крестьян остатки свободы. Эти мысли поэт вложил в уста своего предка боярина Пушкина, перешедшего на сторону самозванца и уговаривающего встать на этот путь боярина Басманова:

Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.

Та же мысль явно просматривается в диалоге между Шуйским и Пушкиным.

Шуйский
Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! И если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.
Пушкин (предок поэта)
Такой грозе, что вряд царю Борису

Сдержат венец на умной голове.

Пушкин закончил трагедию в ноябре 1825 г., но опубликована она была лишь в 1831 г. Самодержавный цензор Пушкина инстинктивно чувствовал, что такие трагедии не способствуют укреплению царской власти, и долго сопротивлялся ее напечатанию. В первом издании трагедии после слов: «Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (Народ *в ужасе молчит.*) Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!» – была добавлена авторская ремарка: «Народ *безмолвствует*». Этой ремарке в пушкиноведении посвящена многочисленная литература, в которой исследователями высказаны самые противоречивые суждения. Еще в 1839 г. в журнале «Галатее» неизвестный критик обратил внимание на значение этой ремарки и попытался дать ей свое толкование:

«Как много заключается в этом “народ безмолвствует”... В этом... таится глубокая историческая и нравственная мысль: при всяком великом общественном перевороте народ служит ступенью для властолюбцев-аристократов: он сам по себе ни добр, ни зол, или, лучше сказать, он добр и зол, смотря по тому, как заправляют им вышние; нравственность его может быть и самую чистую и самую испорченную, – все зависит от примера: он слепо доверяется тем, которые выше его и в умственном и в политическом отношении; но увидевши, что доверенность его употребляют во зло, он безмолвствует от ужаса, от сознания зла, которому прежде бессознательно содействовал; безмолвствует, потому что голос его заглушается внутренним голосом проснувшейся, громко заговорившей совести...»⁶³.

Думается, что такая трактовка сужает пушкинскую мысль об исторической миссии народа. Правители всегда использовали народ как средство завоевания или удержания власти,

⁶³ Галатее. 1839. Ч. IV. № 27. С. 55.

но это лишь часть правды, которая заключается в том, что народ становится при этом *решающей* силой. Власть и существует до той поры, пока народ согласен с ней, несогласие с властью влечет ее падение и изменение.

Очень близко к разгадке авторского содержания ремарки подошел Белинский. В своей десятой статье из цикла статей о Пушкине он писал: «Превосходно окончание трагедии. Когда Мосальский объявил народу о смерти детей Годунова, – народ *в ужасе молчит*... Отчего же он молчит? разве не сам он хотел гибели годуновского рода, разве не сам он кричал: “Вязать Борисова щенка“?.. Мосальский продолжает: “Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!” – Народ *безмолвствует*... Это – последнее слово трагедии, заключающее в себе глубокую черту, достойную Шекспира... В этом безмолвии народа слышен страшный, трагический голос новой Немезиды, изрекающей суд свой над новою жертвою – над тем, кто погубил род Годуновых...»⁶⁴ Безмолвствие народа означает, по Белинскому, что самозванец, возведенный народом на трон, им же и будет низвержен. Именно так и понял ремарку Д. Д. Благой, который, приведя цитату Белинского, поясняет: «В этом “безмолвствует” заключается, по Пушкину, вся дальнейшая судьба самозванца, поскольку народ от него отвернулся; его, достигшего высшего могущества и власти, ждет близкое свержение и бесславная гибель. Сегодня – народ безмолвствует, а завтра – он заговорит, и горе тому, против кого он обратит свой голос, – таков смысл этого единственного в своем роде, потрясающего пушкинского финала...»⁶⁵

Соглашаясь с такой трактовкой содержания пушкинской ремарки, вместе с тем представляется, что в идейном плане не следует преувеличивать различия между первоначальной редакцией трагедии (без конечной ремарки) и опубликованным поэтом вариантом трагедии с указанной ремаркой и вкладывать в отсутствие или наличие этой ремарки принципиальное содержание. Так, Д. Д. Благой усматривает в «Борисе Годунове» «сплав» противоречивых воззрений на народ, что будто бы было характерно для декабристов и что, по его мнению, «борьба в самом Пушкине между этим двойным отношением к народу сказывается с особенной отчетливостью в двух вариантах конца пьесы»⁶⁶. По нашему мнению, в *идейном* плане наличие или отсутствие этой ремарки ничего не меняло. Допустим, что народ не безмолвствовал, а кричал «да здравствует царь Димитрий Иванович!» Это означало лишь художественное выражение окончания одного витка отечественной истории. Годунов, не поддержанный народом, был свергнут самозванцем, которого поддерживали народные массы. Наличие реплики означало начало нового исторического витка – самозванец, не поддержанный народом, обречен на свержение и гибель. В художественном плане ремарка усиливает авторскую концепцию, так как дает историческую перспективу, вероятный дальнейший ход событий, но вовсе не противоречит первому варианту без ремарки.

Далее. Колебания в пушкинских воззрениях на народ соответствуют колебаниям декабристов в этом вопросе. Трагедия была написана накануне восстания декабристов. Следовательно, в последний год своей жизни в Михайловском Пушкин не раз возвращался к оценке, обдумыванию позиции своих друзей-заговорщиков. Позиции, хорошо известной ему как по Петербургу, так и по Кишиневу и Каменке: в их программе борьбы за власть не отводилось места народу. Поражение революций в Западной Европе ничего не изменило в революционной стратегии декабристов. Пушкин, напротив, совсем по-другому оценил и поражение революционных сил на Западе, и роль народных масс в историческом процессе. И примерно через месяц «безмолвие» народа на Сенатской площади подтвердило его правоту. Разумеется, это не значит, что поэт, поняв силу народных масс, отказался от своего государственно-правового

⁶⁴ Белинский В. Г. Собр. соч.: в 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 596.

⁶⁵ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. С. 472.

⁶⁶ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. М., 1931. С. 69.

мировоззрения, от ограничения монархии конституцией и перешел на позиции самого народа. Вовсе нет. Однако в успех декабристов, среди которых, как известно, было немало его друзей и товарищей, он уже не верил. Думается, что Пушкин мог бы согласиться со словами Грибоедова, которого считал человеком государственным и очень умным, относительно перспектив декабрьского переворота: «Сто прапорщиков хотят перевернуть весь государственный быт России».

Можно предположить, что у поэта ко времени работы над «Борисом Годуновым» даже снизилась острота интереса к тайным обществам. В какой-то мере подтверждением этому, на наш взгляд, может служить совсем иное его отношение к разговору о тайном обществе с Пушциным в Михайловском в январе 1825 г. по сравнению с тем, который состоялся между ними до ссылки Пушкина на юг. Мемуарный источник, на который мы собираемся сослаться, один и тот же – записки самого И. И. Пущина. Во время первого разговора о тайном обществе Пушкин, как отмечалось, относительно этого предмета проявлял инициативу и обижался на то, что лицейский друг не ввел его в курс дел общества. При встрече в Михайловском, несмотря на то что на этот раз Пущин открылся другу, поэт уже не проявлял былой настойчивости⁶⁷. Эти рассуждения могут противоречить известным мемуарным свидетельствам, в соответствии с которыми Пушкин признавался Николаю I, что, будь он во время восстания в Петербурге, он был бы с восставшими. Сомневаться в искренности Пушкина здесь не приходится. Но одно дело, что Пушкин далеко не полностью соглашался с программой практических действий восставших и их планами государственного переустройства общества и что у него не было веры в успех. Другое – он не мог не разделить участь своих друзей, не мог не участвовать в их едва ли не с самого начала обреченной на неудачу попытке завоевать для России политическую свободу, отменить крепостное рабство. Восстание было поднято декабристами против ненавистной ему тирании, не ограниченного ничем самодержавия, против всего того, что он заклеймил в своих вольнолюбивых стихах, и против чего он сам призывал бороться. Самоустранение от участия в восстании выглядело бы для него самого предательством по отношению к своим друзьям и товарищам. Сомнение же в успехе дела было присуще не только Пушкину, но и многим декабристам. Даже К. Ф. Рылеев в написанной незадолго до восстания поэме «Наливайко» признавался:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, –
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, –
Я это чувствую, я знаю...

В момент восстания и после его поражения Пушкину было не до разногласий с декабристами. В главном он был с ними. Поэтому с такой болью он переживает за их судьбу. В январском (1826) письме к П. А. Плетневу он пишет: «Неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит». В письме от 20 января 1826 г. Дельвигу он беспокоится за судьбу арестованного А. Раевского: «...он болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня». В начале февраля поэт пишет также Дельвигу: «С нетерпением ожидаю решения участи несчастных... Твердо надеюсь на великодушные молодого нашего царя». И уже после исполнения приговора в отношении декабристов он, надеясь на

⁶⁷ См.: Пущин И. И. Записки о Пушкине. М., 1988. С. 67.

смягчение участи осужденных, пишет Вяземскому: «...повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». Писать такие письма ссыльному, политически неблагонадежному, подозреваемому в «преступных связях» с «бунтовщиками», требовало незаурядной гражданской смелости, которой поэту было не занимать.

Эти настроения поэта выразились, например, в стихотворном послании к декабристам («Во глубине сибирских руд») и в стихотворении «Арион» («Я гимны прежние пою»). Шанс разделить судьбу сосланных на каторгу друзей и товарищей только за эти стихи для поэта был достаточно велик. И все-таки сочувствие (осужденным декабристам) сочувствием, но в его с ними политических идеалах налицо явное расхождение. Это отчетливо выразилось, например, в его письме к П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 г.: «Бунт и революция мне никогда не нравились...»

В контексте консервативных в зрелом возрасте государственно-политических взглядов поэта, согласного с монархическим устройством России и (в отличие от своих воззрений в молодости) отрицавшего революцию, вполне вписывается и его патриотизм. Воспитанный на событиях Отечественной войны 1812 г. и вдохновленный победой русского оружия в этой войне, Пушкин и в зрелом возрасте любые внешнеполитические шаги своего государства оценивает прежде всего с позиции государственных интересов России. И здесь он напрочь расходится с либералами. Особенно это проявилось в его отношении к кавказскому и польскому вопросам. Еще в «Кавказском пленнике» он воспел победы российских военачальников – завоевателей Кавказа Цицианова, Котляревского, Ермолова, «огнем и мечом» подавлявших мужественное сопротивление горцев. В стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» (1831) он также не встает на сторону восставших поляков, твердо поддерживает политику царя, направленную на вооруженное подавление польского восстания. Известно, что даже близкие друзья поэта (например, П. Вяземский и А. Тургенев) и в первом, и во втором случаях осуждали поэта за выбранную им в этих вопросах позицию. Однако противоречия между его идеалами и свободой (не говоря уже о каком-то их предательстве) и позицией поэта в том же польском вопросе не существует. На первом месте для него были интересы России как государства. А готовность западноевропейских государств к вмешательству в русско-польские отношения, способному привести к отторжению Польши от России, была для поэта очевидным ослаблением позиции России на международной арене. И конкретные государственные интересы России были для него важнее других идеалов, в том числе нисколько не предаваемой им свободы. И в этом смысле справедливо определение поэта Г. Федотовым как «певца империи и свободы» (несоединимость здесь указанных качеств лишь кажущаяся)⁶⁸

⁶⁸ Федоров Г. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 356–357.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.